

ISSN 3033-7674 , ISSN 3033-7666

ПРОДУКТЫ

episs.ru

**Журнал
НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА
XXI ВЕК**

ISSN 3033-7666

9 773033 766007 >

№ 4 (13)

Апрель 2026 г.

Журнал НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА «XXI ВЕК»

THE JOURNAL

"SCIENTIFIC PLATFORM "XXI CENTURY"

№ 4 (13), апрель 2026

16+

<http://episs.ru>

Периодическое научное издание (Санкт-Петербург, Россия)
Scientific periodical (Saint Petersburg, Russia)

ISSN 3033-7666 (печатная версия), ISSN 3033-7674 (электронная версия)

Свидетельство Роскомнадзора о регистрации СМИ
Roskomnadzor Certificate of Media Registration
Эл № ФС77-87449

Журнал зарегистрирован и издается в России. В журнале публикуются статьи по всем научным областям. Журнал издаётся на русском и английском языках. Все статьи рецензируются. Свободный доступ к электронной версии журнала. Отправляя статью в редакцию, Автор подтверждает её уникальность и несёт за неё полную ответственность.

The journal is registered and published in Russia. It publishes articles across all scientific fields. It is published in Russian and English. All articles are peer-reviewed. The online version of the journal is freely accessible. By submitting an article to the editor, the author confirms its uniqueness and assumes full responsibility for it.

Редколлегия

Editorial staff

Главный редактор Воронцов, Владимир Валентинович Выпускающий редактор Иванов, Максим Дмитриевич Ответственный секретарь Холманских, Мария Викторовна Рецензенты Пырь, Андрей Иванович, к.ю.н., СПбГУ Димитриенко, Андрей Игоревич, к.м.н., Первый СПбГМУ им. Павлова	Editor-in-Chief Vorontsov, Vladimir Valentinovich Managing Editor Ivanov, Maxim Dmitrievich Executive Secretary Kholmanskikh, Maria Viktorovna Reviewers Pyrykh, Andrey Ivanovich, Ph.D., St. Petersburg State University Dimitrienko, Andrey Igorevich, Ph.D., Pavlov State Medical University
--	---

Контакты / Contacts

✉ 190031, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Казанская, д. 35, лит. А, кв. 15
 ☎ +7 931 712-95-96
 ✉ nxxivek@inbox.ru

© Учредитель: Общество с ограниченной ответственностью «Полис» (ОГРН 1097847170871)
190031, г. Санкт-Петербург, вн. тер. г. муниципальный округ Адмиралтейский, ул. Казанская, д. 35, лит. А, кв. 15

Содержание

Contents

Изображение на обложках сгенерировано LLM GPT-5, авторские права принадлежат: Адель Кильдеев © 2026, Adel Kildeev © 2026, разрешение автора на использование изображений журналом получено.

Гаврилова Габриэла. Советские торговые отношения с Западом в 1960-1990 гг. и растущий советский долг Западу. Часть 3: 1980-е годы.....3

Gavrilov Gabriela. Western-Soviet Commercial Relations 1960-1990 and the growing Soviet debt to the West. Part 3: the 1980s.....3

Кильдеев Адель Ханяфиевич. «Nippon Life против OpenAI»: деликт, незаконная юридическая практика и первое частное нападение на подготовку юридических документов с помощью LLM.....19

Kildeev Adel. Nippon Life v. OpenAI: Tort, Unauthorized Practice of Law and the First Private Offensive against LLM-Assisted Legal Drafting.....19

Кильдеев Адель Ханяфиевич. Правило 12(b)(6) как процедурная архитектура судебных споров об искусственном интеллекте в США.....57

Kildeev Adel. Rule 12(b)(6) As the Procedural Architecture of Artificial Intelligence Litigation in the United States.....57

УДК: 339.9 (47+57) «1980»

**СОВЕТСКИЕ ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ С ЗАПАДОМ 1960–1990 гг.
И РАСТУЩИЙ СОВЕТСКИЙ ДОЛГ ЗАПАДУ
ЧАСТЬ 3: 1980-е ГОДЫ**

**(КАК ДОЛГИ, НЕФТЬ И ИЗМЕНЕНИЕ КОНЪЮНКТУРЫ
ЗАПАДНОГО РЫНКА ПРИВЕЛИ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ К
БАНКРОТСТВУ)**

Габриэла Гаврилова

Колледж Эмерсон, Бостон, Массачусетс (1996)

Магистр журналистики

Католический университет, Вашингтон, округ Колумбия (1985)

Варшавский университет, Польша (1983–1984)

Бакалавр политических наук / экономики

ggavrilov100@yahoo.com

<http://orcid.org/0009-0008-9246-9646>

Аннотация. Эта статья представляет собой последнюю третью часть исследования экономических причин распада Советского Союза, основанного на рассекреченных материалах ЦРУ и финансовых данных. Она продвигает структурную интерпретацию распада Советского Союза как кризиса платежного баланса в жёсткой экономической системе. Анализ показывает, что к концу 1970-х годов Советский Союз стал зависимым от импорта твердой валюты, внешнего финансирования и доходов от экспорта нефти. Падение цен на нефть в середине 1980-х годов, в сочетании с ростом внешнего долга и ограниченным доступом к кредитам, выявили эти уязвимости. В то же время частичные реформы в период перестройки нарушили существующие механизмы координации без создания функционирующей рыночной системы. В статье делается вывод, что распад Советского Союза стал окончательным проявлением системного экономического и финансового краха в меняющихся мировых условиях.

Ключевые слова. Распад Советского Союза; кризис платежного баланса; шок цен на нефть; внешний долг; перестройка; институциональный крах; командная экономика; экономический переход; зависимость от твёрдой валюты.

**WESTERN-SOVIET COMMERCIAL RELATIONS 1960–1990
AND THE GROWING SOVIET DEBT TO THE WEST
PART 3: THE 1980S
(HOW DEBT, OIL AND THE CHANGE IN WESTERN FIRMS' MARKET
BANKRUPTED THE SOVIET UNION)**

Gabriela Gavrilov

Emerson College, Boston, Massachusetts (1996)

MA Journalism

Catholic University, Washington, D.C. (1985)

University of Warsaw, Poland (1983 – 1984)

BA Political Science / Economics

ggavrilov100@yahoo.com

<http://orcid.org/0009-0008-9246-9646>

Abstract. This article completes a three-part study on the economic causes of the collapse of the Soviet Union, drawing on declassified CIA materials and financial data. It advances a structural interpretation of the Soviet collapse as a balance-of-payments crisis within a rigid economic system. The analysis shows that by the late 1970s the Soviet Union had developed a dependence on hard-currency imports, external financing, and oil export revenues. The collapse of oil prices in the mid-1980s, combined with rising external debt and restricted access to credit, exposed these vulnerabilities. At the same time, partial reforms under perestroika disrupted existing coordination mechanisms without establishing a functioning market system. The article concludes that the dissolution of the Soviet Union was the final manifestation of a systemic economic and financial breakdown under changing global conditions.

Keywords. Soviet Union collapse; balance-of-payments crisis; oil price shock; external debt; perestroika; institutional failure; command economy; economic transition; hard currency dependency

1. Введение

Экономический крах Советского Союза широко обсуждался в политическом, идеологическом и геополитическом терминах. Однако такие подходы часто упускают из виду структурные экономические механизмы, лежащие в основе стабильности системы и, в конечном итоге, её провала.

Первая и вторая статьи этой серии, основанные на рассекреченных материалах ЦРУ и торговых данных, показали, что к концу 1970-х годов Советский Союз стал всё больше зависим от западных рынков, импорта твёрдой валюты и внешнего финансирования. Эти исследования также показали, что эта зависимость поддерживается благоприятными внешними условиями, особенно высокими нефтяными доходами.

Эта статья опирается на эти выводы и сосредоточена на заключительном этапе 1980-х годов, когда взаимодействие падения цен на нефть, увеличения долга и институциональных потрясений превратило структурную уязвимость в системный кризис. Цель — не пересмотреть политические объяснения, а изучить экономическую динамику, приведшую к распаду Советского Союза.

2. *Détente* = *Debt-tente*

Этот раздел основывается на выводах первой и второй статей этой серии, где на основе рассекреченных материалов ЦРУ и торговых данных было показано, что расширение советско-западных торговых отношений в период разрядки привело не только к увеличению торговых потоков, но и к растущей структурной зависимости от внешних рынков и финансовых механизмов.

Хотя разрядка часто интерпретируется в политических терминах, его экономическое измерение раскрывает более сложную динамику: интеграцию советской экономики в западные финансовые и промышленные системы в условиях, которые постепенно увеличивали её подверженность внешним ограничениям.

В результате череды крупных коммерческих сделок с западными фирмами в эпоху разрядки (1969–1979), на начало 1980-х годов валовой долг Советского Союза перед Западом составлял примерно \$17–\$18 миллиардов в твердой валюте, что считалось относительно скромным по сравнению с экспортными доходами и долговыми нагрузками восточноевропейских соседей, таких как Польша.¹ Валовой долг Советского Союза перед западными кредиторами был относительно низким в начале 1980-х годов, но значительно вырос из-за импорта продовольствия и экономических трудностей, при этом долг достиг примерно 31 миллиарда долларов к концу 1985 года. К концу 1980 года советские валютные резервы в западных банках составляли 8,3 миллиарда долларов, снизившись до 4,5 миллиарда к сентябрю 1981 года, что свидетельствовало о растущем финансовом напряжении. К 1982 году советский долг перед западными экспортными кредитными агентствами составлял 12 миллиардов долларов. Долг продолжал расти в течение 1980-х годов и достиг почти 70 миллиардов долларов к 1991 году.² В совокупности эти цифры свидетельствуют не только о расширении заимствований, но и о формировании структурно уязвимого финансового положения. Советская экономика всё больше зависела от

¹ Secret CIA National Intelligence Council Memorandum, (April 1982) "The Soviet Bloc Financial Problem as a Source of Western Influence (u)", (Released 2007/03/27). <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP85T00176R001300110002-9.pdf>

² C.R. Neu (2009). Soviet International Finance in the Gorbachev Era, RAND, National Defense Research Institute, Prepared for the Under Secretary of Defense for Policy, R-4116-USDP.

постоянного притока твёрдой валюты для поддержания импорта, обслуживания долгов и поддержания внутренней стабильности.

Как показано в первой статье этой серии,³ эта зависимость не компенсировалась соответствующими улучшениями производительности или институциональной адаптацией. Вместо этого она поддерживалась благоприятными внешними условиями, особенно доступностью кредитов и высокими экспортными доходами. Это создавало скрытый дисбаланс: система оставалась стабильной только до тех пор, пока внешние условия её поддерживали.

В 1980 году золотые резервы Советского Союза оценивались как значительные — различные аналитики часто называли их около 1000–2000 тонн, пока значительные продажи в начале 1980-х не сократили их для оплаты иностранного зерна и погашения долгов. Хотя конкретные годовые данные оставались государственной тайной, данные ЦРУ показывают, что к 1985 году советские мощности по производству золота выросли до 340–390 тонн.⁴ Советское правительство также содержало значительные депозиты в западных банках (около 6–8 миллиардов долларов), что значительно снижало чистый долг — около 9,6–10 миллиардов. Долг был относительно стабилен в самом начале 1980-х годов по сравнению с серединой 1970-х, но в 1981 году он снова начал расти из-за экономических трудностей, достигнув примерно 19–20 миллиардов долларов (вал) к концу 1981–1983 годов. Советский долг перед Западом был управляем в начале 1980 года, но позже в десятилетии он быстро вырос, превысив \$30 миллиардов к 1985 году и достигнув более \$60–70 миллиардов к 1991 году.

Поэтому кажущуюся управляемость советского долга в начале 1980-х годов следует интерпретировать с осторожностью. Формальные показатели, такие как валовой долг и уровни резервов, не полностью отражали базовую структурную нагрузку системы. Значительная часть советских внешних обязательств была заложена в долгосрочных торговых соглашениях и контрторговых соглашениях, которые ограничивали возможности Советского Союза производить свободно используемую твердую валюту. В результате способность реагировать на внешние потрясения была более ограниченной, чем можно было бы предположить по совокупным данным.

Следует помнить, что все эти миллиарды долларов либо уже были выплачены западным компаниям через заимствованные средства от западных правительств или частных банков, либо всё ещё им причитались. Все эти миллиарды передавались от предполагаемого антикапиталистического коммунистического советского правительства ведущим западным промышленным и финансовым акторам.

³ Gavrilov G., *Western-Soviet Commercial Relations 1960-1990 and the Growing Soviet Debt to the West, Part 1: 1960s*, Scientific Platform XXI Century, # 2 (11) 2026, P.55-69, www.episs.ru.

⁴ Secret CIA Memorandum for Rhonda Bresnick, Office of East-West Trade, (January 25, 1980). "Soviet Gold Sales in 1979 and Prospects for the 1980s", (Released as sanitized September 16, 2008).

Бартер и обратный выкуп в виде продукции и ресурсов, причитавшихся западным компаниям по контрактам — например, 20-летнее контрторговое соглашение на сумму 20 миллиардов долларов, заключённое с Occidental Petroleum Арманда Хаммера в 1972 году, предусматривавшее регулярные поставки аммиака и мочевины в США, многие из 234 сделок по химическим заводам и оборудованию, а также сделки «газ за трубы» с западногерманскими фирмами — рассматривались как сделки с нулевой наличной. Таким образом, расходы на производство природного газа и химикатов для экспорта на Запад не приносили жёсткой валюты для погашения этих долгов, поскольку по контракту эти ресурсы уже принадлежали западным компаниям, которые установили своё оборудование внутри Советской России для их добычи — за счёт России. С экономической точки зрения такие договорённости не устраняли финансовые обязательства, а превращали их в отложенные и структурно закреплённые обязательства. Хотя эти соглашения сократили непосредственную потребность в денежных платежах, они одновременно ограничивали будущие источники дохода.

Как обсуждалось во второй статье этой серии,⁵ этот механизм способствовал ситуации, при которой часть советского экспорта фактически заранее распределялась, что ограничивало гибкость системы в генерации твёрдой валюты для самостоятельного финансового использования. Таким образом, то, что казалось снижением денежного давления в краткосрочной перспективе, способствовало усилению структурной жёсткости в долгосрочной.

Вместо того чтобы рассматривать эти отношения в нормативных терминах, более аналитически точнее описывать их как форму асимметричной экономической интеграции. Советский Союз получил доступ к западным технологиям, кредитам и рынкам, но сделал это при условиях, которые усиливали его долгосрочную внешнюю зависимость.

Эта асимметрия не привела сразу к нестабильности, но способствовала структурной конфигурации, в которой советская экономика становилась всё более чувствительной к изменениям внешних экономических условий.

3. Разрядка напряженности 1970-х годов и нефтяной бум, за который чуть было не пришлось заплатить

Основы финансового кризиса 1980-х годов были заложены в 1970-х годах — коммерческие сделки, якобы направленные на улучшение дипломатических отношений через увеличение торговли между Востоком и Западом — часто представленное как универсальное решение

⁵ Gavrilov G., Western-Soviet Commercial Relations 1960-1990 and the Growing Soviet Debt to the West, Part 2: 1970s, Scientific Platform XXI Century, # 3 (12) 2026, P....., www.episs.ru.

геополитической напряжённости.⁶ В 1970-х годах расходы Советского Союза на западную продукцию резко выросли в условиях разрядки, роста нефтяных доходов и растущей зависимости от иностранных технологий и сельскохозяйственной продукции. Импорт твёрдой валюты с Запада вырос в девять раз, увеличившись с менее чем 25 процентов от общего импорта до почти 40 процентов к концу десятилетия.⁷

Как было установлено в предыдущем разделе, расширение торговли между Востоком и Западом в период разрядки сопровождалось растущей зависимостью от внешних ресурсов и финансовых механизмов. События 1970-х годов, таким образом, отражали не только экономический рост, но и углубляли структурную зависимость советской экономики от внешних условий. Этот период следует понимать не только как фазу роста торговли, но и как критический этап формирования внешних ограничений, которые впоследствии определяют пределы советской экономической стабильности.

Стоимость импорта с Запада выросла примерно с 5–8 миллиардов долларов в год в начале 1970-х годов до более чем 30–40 миллиардов долларов к 1980 году. Инвестиции в твёрдую валюту на западную продукцию значительно выросли, особенно после 1972 года из-за сельскохозяйственных неудач и потребности в технике. Импорт с Запада вырос в среднем годовой темп на 8,7% в постоянных долларах 1981 года.⁸ Масштаб этого расширения отражает качественный сдвиг в советской экономической модели. Импорт больше не был дополнительным, а стал необходимым для поддержания промышленного производства, сельскохозяйственного предложения и стабильности потребителей. Как обсуждалось в первой статье этой серии, растущая зависимость от импорта не сопровождалась соответствующим ростом диверсификации экспорта. Вместо этого Советский Союз оставался сильно зависимым от узкого диапазона экспорта сырьевых товаров, главным образом нефти и газа, для производства жёсткой валюты, необходимой для этих операций.

После нефтяного кризиса 1973 года международные цены на нефть выросли в четыре раза. Как крупнейший производитель, Советский Союз получил массовый приток твёрдой валюты. Однако вместо того, чтобы использовать этот неожиданный доход для реформирования застойной, сильно бюрократической командной экономики, её разрушительной зависимости от государственных цен и низких сельскохозяйственных показателей, Кремль использовал её для оплаты западных компаний за их продукцию. Рост цен на нефть после кризиса 1973 года временно скрывал глубинные структурные слабости советской экономики. Рост экспортных

⁶ За исключением того, что это работает только для США.

⁷ Secret CIA Report, "Soviet Economic Dependence on the West", IA-RDP83T00233R000100030006-5. (Released as Sanitized, April 29, 2010)

⁸ Secret CIA Report, "Soviet Hard Currency Trade and payments: Policy and Prospects, " RDP08S01350R000100120002-2. (Released as Sanitized, Sep. 15, 2008).

доходов создавал видимость финансовой стабильности, позволяя Советскому Союзу поддерживать высокие уровни импорта и внешние обязательства без немедленных корректировок. Однако эта стабильность зависела скорее от внешних ценовых условий, чем от внутренней экономической устойчивости. В результате система становилась всё более зависимой от продолжающихся высоких цен на энергию, создавая структурную уязвимость, которая становилась заметна только при изменении этих условий.

Твёрдая валюта позволила СССР импортировать зерно, машины и потребительские товары с Запада, что обеспечивало огромный рынок, необходимый западным компаниям, но не способствовало улучшению внутренней экономической практики или даже пониманию меняющейся западной экономики, отходящей от тяжёлой промышленности — основы советской экономики.

Таким образом, к концу 1970-х годов в Советском Союзе выработалась экономическая модель, характеризующаяся растущей зависимостью от внешних рынков, импорта жёсткой валюты и экспортных доходов от сырья. Хотя эта модель казалась устойчивой при благоприятных внешних условиях, ей не хватало гибкости, необходимой для выдерживания неблагоприятных сдвигов на мировых рынках.

События 1970-х годов заложили структурные основы финансового кризиса 1980-х, когда сочетание падения цен на нефть и накопленного внешнего риска превратило скрытую уязвимость в системную нестабильность.

4. Промышленный сектор США больше не нуждался в советском рынке

Возможно, одним из самых значимых факторов, повлиявших на советскую экономику, стало то, что к середине 1970-х годов промышленный сектор США смещался в сторону дешёвой рабочей силы (и отсутствия регулирования загрязнения) в Азии. Промышленные предприятия и производственные предприятия США начали переезжать в Азию в 1970-х годах, что ознаменовало ранние этапы долгосрочного сдвига, который ускорился в последующие десятилетия. Хотя массовый исход, часто ассоциируемый с Китаем, достиг пика только в 1990–2000-х годах, фундамент этого перехода был заложен в период с 1965 по 1975 год, когда крупные американские ритейлеры открыли офисы и заводы в Гонконге, на Тайване и в Южной Корее.

Этот сдвиг следует рассматривать как часть более широкой трансформации глобальной экономической системы, а не как отдельное политическое решение, направленное против Советского Союза. Переориентация промышленного производства на Азию отражала изменения в структуре затрат, регуляторных условиях и появляющихся глобальных цепочках поставок. В результате структура международного спроса на

промышленные товары начала меняться, что снизило относительную значимость традиционных промышленных рынков.

Сформировавшаяся десятилетиями в качестве монопольного рынка для западных промышленных предприятий, советская экономика в 1970-х годах всё ещё стремилась к промышленному росту и остро нуждалась в промышленной модернизации. Этот аспект получил ограниченное внимание в существующей литературе, поскольку усложняет традиционные интерпретации советско-западных экономических отношений. Постепенное снижение внешнего спроса на советско-ориентированный промышленный обмен само по себе не определяло исход советской экономики. Однако это уменьшило внешнюю поддержку модели развития, зависящей от продолжающегося промышленного расширения и технологического импорта с Запада. В этом контексте советская экономика столкнулась с растущими ограничениями не из-за преднамеренного исключения, а из-за структурных изменений в глобальных производственных и торговых моделях.

Более того, как неокOLONиальная экономика, основанная на экспорте природных ресурсов, Советская Россия фактически продолжала оставаться индустриальной страной. Тем не менее, американские компании больше не нуждались в советском промышленном рынке. Это само по себе означало катастрофу для советской экономики, основанной на капризах западных промышленных компаний и капризных рыночных потребностей. Хотя этот сдвиг не стал прямой причиной распада Советского Союза, он способствовал всё более неблагоприятной внешней обстановке. Снижение значимости советского промышленного спроса ограничило возможности для экономической адаптации и диверсификации. В результате Советский Союз стал более зависимым от экспорта сырья, особенно энергетических ресурсов, что ещё больше укрепило структурные уязвимости, обсуждавшиеся в предыдущих разделах.

Таким образом, трансформация глобальной индустриальной системы в 1970-х и 1980-х годах не определила напрямую судьбу советской экономики, а изменила внешние условия, при которых она функционировала. В сочетании с растущей зависимостью от внешнего финансирования и товарных доходов эти структурные изменения способствовали формированию, в котором советская система становилась всё менее адаптивной к внешним шокам.

5. Накопление долгов, усугублённое окончанием монополии на внешнюю торговлю

К концу 1980-х годов советская экономика вступила в фазу, в ходе которой ранее накопленные структурные зависимости начали превращаться в немедленные финансовые трудности. Взаимодействие между снижением экспортных доходов, растущими внешними обязательствами и институциональными потрясениями создало условия, при которых

продолжающееся заимствование стало основным механизмом поддержания экономической стабильности. Этот этап знаменует переход от структурной уязвимости к активному финансовому стрессу внутри советской системы.

К концу 1970-х советской экономике требовался постоянный капитал для модернизации устаревшей техники и заполнения пробелов, оставшихся неэффективными и расточительными сельскохозяйственными методами (усугублёнными плохими условиями), что оставило СССР — страну с наибольшим уровнем черноземных земель на планете — с дефицитом зерна. Когда Советский Союз начал дорогостоящее вторжение в Афганистан в 1979 году, нагрузка на государственную казну возросла.

Поскольку коммунистические государства были надёжными заемщиками, поддерживаемыми государственной властью, международные банки конкурировали за кредитование. Большая часть этого долга изначально накапливалась сателлитами, такими как Польша, которая к началу 1980-х годов уже испытывала трудности с погашением, создавая для Москвы «дилемму на 70 миллиардов долларов» — вопрос о том, стоит ли их спасать. К 1980 году долг Восточного блока в твердой валюте превысил \$80 миллиардов, что стало огромным скачком по сравнению с \$8 миллиардами в 1971 году.

Быстрое накопление долгов по всему Восточному блоку ещё больше усилило финансовую уязвимость Советского Союза. Будучи центральным экономическим и политическим якорем блока, СССР сталкивался с неявными обязательствами по поддержке своих сателлитных экономик, что увеличивало давление на собственные финансовые ресурсы. Эта взаимосвязанная структура обязательств способствовала созданию ситуации, в которой внешний финансовый стресс не был изолированным, а был системным.

Когда реформы, проведённые перестройкой, включали прекращение монополии государства на внешнюю торговлю и упразднение Министерства внешней торговли в январе 1988 года, оно было заменено новыми законами, позволяющими государственным предприятиям, совместным предприятиям и кооперативам осуществлять напрямую внешнюю торговлю. Хотя государство сохраняло контроль над ключевыми товарами, централизованная система управления всей внешней торговлей была ликвидирована. Хотя это было необходимо, это также создало значительную группу независимых иностранных трейдеров в советской экономике — обладающих властью занимать международные средства, но с небольшой финансовой ответственностью или опытом.

С институциональной точки зрения эти реформы ввели критически дестабилизирующую динамику. Централизованная система экономической координации была частично демонтирована, а согласованная рыночная структура ещё не была создана. В результате советская экономика вошла в состояние структурной несогласованности: экономические акторы получили доступ к международным рынкам и кредитам без соответствующих

регулирующих дисциплин или механизмов финансовой ответственности. Как обсуждается во второй статье этой серии, это классический случай частичной либерализации, когда устранение существующих контролей предшествует формированию новых институциональных структур.

Бесконечные займы.

Согласно докладу RAND за 1991 год «Советские международные финансы в эпоху Горбачёва», «За первые три с половиной года эпохи Горбачёва советские иностранные займы составляли всего около 800 миллионов долларов. Однако в 1989 году Советский Союз начал то, что можно назвать заимствованием заимствований: в 1989 году советские заимствования составили 9,1 миллиарда долларов — более чем в десять раз больше, чем за предыдущие три с половиной года. В первом квартале 1990 года было дополнительно 3 миллиарда долларов чистых займов только от западных банков».

Резкий рост заимствований в период 1989–1990 годов следует трактовать не как признак финансовой устойчивости, а как индикатор нарастающего системного стресса. По мере снижения экспортных доходов и роста финансовых обязательств заимствование стало способом отсрочки корректировки, а не устранения базовых дисбалансов. Эта стратегия была по своей сути неустойчивой. Она зависела от постоянного доступа к внешним кредитным рынкам, что само зависело от доверия кредиторов и лимитов риска.

Даже когда советские импортеры отставали с платежами (чего никогда не было при коммунизме), западные банки продолжали выдавать кредиты. Запоем заимствований внезапно прекратился во втором квартале 1990 года, когда западные банки — достигшие лимита кредитования — прекратили выдачу кредитов в твердой валюте Советскому Союзу на нормальных коммерческих условиях. Чистые займы с Запада в 1989 году составили около 10 миллиардов долларов (включая задолженность по платежам).⁹

Сокращение кредитования западными банками в 1990 году стало решающим поворотным моментом. В этот момент Советский Союз фактически потерял доступ к внешним механизмам финансирования, которые поддерживали его экономическую модель на протяжении предыдущего десятилетия.

Без возможности перевести долги или получить новый кредит система оказалась в полномасштабном внешнем кризисе ликвидности. Ограничения, которые ранее были структурными и скрытыми, стали мгновенными и обязательными.

⁹ C. R. Neu (1991). "Soviet International Finance in the Gorbachev Era", RAND. ISBN: 0-8330-1185-5.

6. Что сделал Советский Союз со всеми заимствованными средствами?

Помимо историй о квартирах, заполненных наличными (о которых в отчёте RAND не упоминается), что случилось с заимствованными миллиардами? В отчёте RAND утверждается, что значительная часть этих средств была переведена развивающимся странам. «Значительные суммы твёрдой валюты (несколько миллиардов долларов в год) передавались Советским Союзом развивающимся странам в виде кредитов в твердой валюте.»¹⁰

Но если это было известно, почему западные банки это разрешили? И поскольку они это позволяли, похоже, что в этих переводах для них было что-то вроде ещё одной чёрной дыры, где деньги исчезают во время войн и других потрясений и больше никогда не будут увидены налогоплательщиком. (Отчёт RAND никогда не задаёт этих вопросов, он просто говорит, что остаётся «загадочным»). Около 67 миллиардов долларов, заимствованных Советским Союзом, было переведено развивающимся странам.¹¹

Эти оттоки капитала ещё больше сократили доступность твердой валюты в советской экономике. Независимо от их стратегических или политических мотивов, они способствовали ужесточению финансовых ограничений в то время, когда внешние ресурсы уже находились под давлением. В этом контексте распределение заемных средств стало дополнительным фактором, ограничивающим способность системы стабилизировать внешнее финансовое положение.

Почему советские международные платежи были просрочены?

Все задержки с выплатами, причитающиеся западным интересам, были связаны со стороны тех внешних торговых организаций, которые недавно получили децентрализованную власть внешней торговли после упразднения Министерства внешней торговли¹². Эти предприятия вступали напрямую в торговые сделки с западными фирмами, короче говоря, перегружали себя, и когда они обращались за помощью к Внешэкономбанку (VEB¹³), или Банку внешнеэкономических связей, VEB отказывался их спасать.

По мере того, как новые советские торговые предприятия всё чаще не могли своевременно выплатить западным компаниям, западные фирмы, в свою очередь, начали отказываться вести с ними бизнес без безотзывных аккредитивов, ни от ВЭБ, ни от западных банков, ни от правительств. Когда финансовая уязвимость западных банков достигла определённых пределов, они начали отказываться выдавать дополнительные кредиты. И вдруг, во

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ ВЭБ был ключевым институтом советской эпохи, созданным в 1988 году на базе бывшего Внешнеторгового банка СССР для управления иностранной валютой и международной торговлей.

втором квартале 1990 года, Советский Союз оказался заблокирован вне западного банковского мира без возможности вернуться внутрь.

Появление задолженности по платежам ознаменовало критический сдвиг в восприятии советской кредитоспособности. Задержки в выполнении финансовых обязательств сигнализировали о растущей нестабильности для внешних партнёров, что привело к ужесточению условий кредитования и снижению готовности к дальнейшему кредитованию. Эта динамика создала обратную связь, в которой снижение финансовой доверия ещё больше ограничило доступ к ликвидности, усиливая кризис.

К началу 1990-х годов Советский Союз достиг точки, когда его внешнее финансовое положение стало неустойчивым. Сочетание накопленного долга, ограниченного доступа к кредитам, снижения экспортных доходов и институциональной фрагментации оставило систему без жизнеспособных механизмов корректировки. Финансовый кризис, возникший на этом этапе, был не единичным явлением, а кульминацией структурных процессов, разворачивавшихся на протяжении предыдущих десятилетий.

7. Обвал цен на нефть и другие проблемы

К середине 1980-х структурные уязвимости, возникшие за предыдущее десятилетие, начали сходиться. Советская экономическая система, уже зависимая от внешних доходов и финансирования, всё больше подвергалась изменениям мировых рыночных условий. Падение цен на нефть не создало этих уязвимостей, но стало ключевым триггером, превратившим структурный дисбаланс в системный кризис.

Если бы Советский Союз всё ещё пользовался доходами от высоких цен на нефть 1970-х годов, западные банки, возможно, согласились бы продолжать кредитовать на основе дохода. Однако самым важным фактором советского банкротства стал крах цен на нефть. Цены на нефть упали с примерно \$120 за баррель в 1980 году до примерно \$24 за баррель в марте 1986 года, а затем ещё ниже. Экспорт нефти и газа был основным источником твёрдой валюты, необходимой для погашения западного долга. Дефицит доходов поставил СССР на грань кризиса платежного баланса, вынудив руководство сократить импорт, включая основные потребительские товары и продукты питания. Учитывая центральную роль экспорта нефти и газа в формировании твердой валюты, это снижение напрямую привело к сокращению финансовых возможностей. Экспортные доходы резко снизились, что снизило способность Советского Союза финансировать импорт и обслуживать внешний долг.

Как было установлено в предыдущих разделах, советская экономика не имела диверсифицированных источников иностранной валюты. Это делало систему крайне чувствительной к колебаниям цен на сырьевые товары, особенно в энергетическом секторе.

По мере того как СССР зарабатывал меньше на нефти, стоимость обслуживания долгов росла. Начало 1980-х годов отличалось высокими западными процентными ставками, что значительно удорожало обслуживание миллиардов кредитов, накопленных за предыдущее десятилетие. Когда экономические проблемы стали очевидны, западные банкиры, уже находясь на многих своих самоналоженных пределах, перекрыли доступ СССР к новым кредитам.

В то же время стоимость обслуживания существующего долга росла при условиях высоких мировых процентных ставок. Это ещё больше усилило финансовое давление, поскольку Советскому Союзу приходилось выделять растущую долю своих ограниченных валютных ресурсов на долговые обязательства. Взаимодействие снижения доходов и растущих финансовых обязательств создало быстро ухудшающееся внешнее положение.

Кроме того, десятилетняя советская оккупация Афганистана (1979–1989) стала серьёзным финансовым бременем, обошедшимся в миллиарды рублей, которые стагнирующая экономика не могла себе позволить, что ещё больше усугубило дефицит бюджета. Хотя финансовое бремя афганской войны само по себе не было решающим, оно способствовало общей нагрузке на советский бюджет. В условиях снижения доходов и роста внешних обязательств такие расходы снижали способность государства реагировать на новые экономические давления.

Когда Михаил Горбачёв стал Генеральным секретарём в 1985 году, он осознал кризис и запустил *перестройку* и *гласность*. Однако эти реформы, направленные на восстановление экономики, иронично ускорили её крах. *Перестройка* стремилась внедрить рыночные элементы в командную экономику. Вместо плавного перехода он разрушил существующую систему централизованного планирования, не создав функционального рынка на её место. Управляющие государственными предприятиями (ГП) получили больше автономии, но столкнулись с хаосом. Цепочки поставок были разрушены, что привело к резкому снижению промышленного производства.

В этом контексте *перестройка* не стала стабилизирующей реформой, а стала фактором, ускоряющим системный распад. Частичная либерализация экономики ослабила существующие механизмы координации без создания эффективных рыночных структур. В результате советская экономика потеряла способность управлять как внутренним распределением, так и внешними финансовыми отношениями в последовательном порядке, что ещё больше усиливало последствия внешних потрясения.

Чтобы финансировать растущий бюджетный дефицит — вызванный снижением нефтяных доходов, афганской войной и субсидиями — правительство обратилось к печати денег. Зарплаты позволяли расти быстрее производства, чтобы удовлетворить рабочих. Поскольку цены всё ещё фиксировались государством, потребители не могли тратить свои деньги, что приводило к огромному дефициту, длинным очередям и процветающему чёрному рынку. К 1991 году, когда контроль над ценами начал ослабевать,

«подавленная инфляция» вылилась в открытую инфляцию, и реальный уровень инфляции к 1991 году приблизился к 200%.

К концу 1980-х годов Советский Союз исчерпал свои возможности брать кредиты у западных банков и был вынужден полагаться на помощь западных правительств. Страна, которая когда-то конкурировала с США, в 1991 году зависела от иностранной помощи для импорта продовольствия для своих граждан.

Эти внутренние дисбалансы отражали внешние ограничения, с которыми сталкивалась советская экономика. Неспособность обеспечить достаточное количество импорта из-за дефицита жёсткой валюты напрямую приводила к внутреннему дефициту, а фискальные давления способствовали денежно-кредитной экспансии и инфляционной динамике. Таким образом, внутренний кризис предложения и цен был тесно связан с ухудшением внешнего финансового положения.

По мере того как центральное правительство теряло способность поддерживать экономическую координацию и финансовую стабильность, институциональная структура советского государства начала распадаться. Ослабление фискального и административного контроля снизило способность центра управлять экономикой, способствуя более широкому процессу политической дезинтеграции.

Неудавшийся переворот в августе 1991 года со стороны коммунистических радикалов, пытавшихся остановить реформы, лишь ослабил контроль центрального правительства над военными и казначейством. К декабрю 1991 года Союз был распущен, и Российская Федерация, как государство-преемник, столкнулась с огромным бременем советского долга.

К 1991 году Советский Союз фактически исчерпал свои возможности функционировать как согласованная экономическая система. Сочетание снижения экспортных доходов, накопленного долга, ограниченного доступа к кредиту и институциональной фрагментации не оставило жизнеспособного механизма стабилизации. Возникший кризис был не результатом одного внешнего шока или провала политики, а кульминацией долгосрочных структурных процессов, которые постепенно подрывали экономическую основу системы.

8. Заключение

Выводы, представленные здесь, основаны на выводах первой и второй статей этой серии, где было продемонстрировано, на основе рассекреченных материалов ЦРУ и торговых данных, что советская экономика к концу 1970-х годов всё больше зависела от внешних рынков, импорта жёсткой валюты и финансовых механизмов.

Падение цен на нефть в середине 1980-х само по себе не привело к распаду Советского Союза. Скорее, она стала критическим триггером,

обнажившим структурные уязвимости, накопившиеся за предыдущее десятилетие.

Как показано на протяжении всей этой серии, советская экономика не имела диверсифицированных источников дохода в твердой валюте, что делало её особенно чувствительной к внешним колебаниям цен.

Советский Союз потерпел неудачу не из-за нехватки ресурсов или технологий, а из-за неспособности адаптировать свою экономическую структуру к меняющемуся миру. Больше не нужен как рынок для промышленных предприятий Запада, которые переместились в Азию, основа советской экономики — промышленность — стала устаревшей. Долговой кризис 1980-х годов, усиленный падением цен на нефть и усугублённый неуклюжими реформами, загнал систему в угол, из которого она не могла выбраться. С институциональной точки зрения реформы конца 1980-х усилили кризис, нарушая существующие механизмы координации без создания стабильной альтернативы. Это снижало способность системы эффективно реагировать как на внутренние, так и на внешние давления.

Банкротство стало окончательным, неизбежным результатом устаревшей экономической модели, которая в основном функционировала как зависимый рынок для западных промышленных предприятий, когда им больше не нужна была закрытая российская экономика и которая создала возможность заполнять бывшие коммунистические страны потребительскими товарами (чего у них не было до того времени), коммунистическая система была фактически оставлена в стороне — без заботы о народе которые живут в ней. Эти факторы следует понимать не изолированно, а как элементы более широкой структурной конфигурации. Взаимодействие между внешними экономическими условиями и внутренними институциональными ограничениями создавало систему, которую со временем становилось всё труднее поддерживать.

Таким образом, Советский Союз не просто рухнул под тяжестью собственной неэффективности. Её внутренние слабости были реальны, но также наблюдались, измерялись и использовались западными политиками и финансовыми фигурами. Рассекреченные материалы ЦРУ, обсуждаемые в этой серии, показывают, что советская долг, дефицит валют и зависимость от западного кредита воспринимались скорее как инструменты влияния, а не как нейтральные экономические факты. В этом смысле разрушение советской экономической системы было не единичным актом и не простым заговором, а затяжным процессом, в ходе которого внутренняя хрупкость и внешнее давление взаимодействовали. Советский Союз был структурно уязвим; Запад научился использовать эту уязвимость.

Теперь единственное, за что в России осталось бороться — это нефть и газ... Но это уже другая статья.

Список источников/References:

1. Electronic resource: Secret CIA National Intelligence Council Memorandum, (April 1982) “The Soviet Bloc Financial Problem as a Source of Western Influence (u)”, (Released 2007/03/27). <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP85T00176R001300110002-9.pdf>
2. C.R. Neu (2009). Soviet International Finance in the Gorbachev Era, RAND, National Defense Research Institute, Prepared for the Under Secretary of Defense for Policy, R-4116-USDP.
3. Gavrilov G., Western-Soviet Commercial Relations 1960-1990 and the Growing Soviet Debt to the West, Part 1: 1960s, Scientific Platform XXI Century, # 2 (11) 2026, www.episs.ru.
4. Gavrilov G., Western-Soviet Commercial Relations 1960-1990 and the Growing Soviet Debt to the West, Part 2: 1970s, Scientific Platform XXI Century, # 3 (12) 2026, www.episs.ru.
5. Secret CIA Memorandum for Rhonda Bresnick, Office of East-West Trade, (January 25, 1980). “Soviet Gold Sales in 1979 and Prospects for the 1980s”, (Released as sanitized September 16, 2008).
6. Secret CIA Report, “Soviet Economic Dependence on the West”, IA-RDP83T00233R000100030006-5. (Released as Sanitized, April 29, 2010)
7. Secret CIA Report, “Soviet Hard Currency Trade and payments: Policy and Prospects,” RDP08S01350R000100120002-2. (Released as Sanitized, Sep. 15, 2008).
8. C. R. Neu (1991). “Soviet International Finance in the Gorbachev Era”, RAND. ISBN: 0-8330-1185-5.

УДК: 347.9:004.8

«NIPRON LIFE ПРОТИВ OPENAI»: ДЕЛИКТ, НЕЗАКОННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА И ПЕРВОЕ ЧАСТНОЕ НАПАДЕНИЕ НА ПОДГОТОВКУ ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ С ПОМОЩЬЮ LLM

Кильдеев Адель Ханяфиевич

Ленинградский государственный университет имени А.А. Жданова (1990)

Кандидат юридических наук

ORCID: 0009-0001-2211-4944

Аннотация. В статье рассматривается дело «Nipron Life против OpenAI» как один из первых частных исков, направленных против использования крупных языковых моделей (LLM) при подготовке юридических документов. Показывается, что исковое заявление поднимает важную регуляторную проблему, однако делает это на основе структурно нестабильной теории ответственности. Хотя в иске ChatGPT корректно описывается как автоматизированная система генерации текста, далее аргументация строится так, будто модель является осознанным и намеренным юридическим фактором. В статье анализируется это противоречие через призму доктрин личной юрисдикции, деликтного вмешательства в договор, злоупотребления процессом, незаконной юридической практики и процессуального фильтра Правило 12(b)(6). Делается вывод, что исковое заявление, вероятно, уязвимо как с точки зрения юрисдикции, так и на стадии проверки достаточности иска. Тем не менее дело представляет значительный интерес, поскольку оно открывает более широкую дискуссию о допустимости искусственного интеллекта в лицензируемых профессиональных сферах и о будущей границе между человеческой ответственностью и профессиональной деятельностью, осуществляемой с использованием машинных инструментов.

Ключевые слова: искусственный интеллект; большие языковые модели; OpenAI; незаконная юридическая практика; подготовка процессуальных документов; персональная юрисдикция; Правило 12(b)(6); лицензируемые профессии.

При подготовке статьи автор использовал генеративные системы ИИ, включая, но не ограничиваясь: ChatGPT (OpenAI), Gemini (Google), Grok (xAI). Все окончательные решения принимаются автором лично

NIPPON LIFE v. OPENAI: TORT, UNAUTHORIZED PRACTICE OF LAW AND THE FIRST PRIVATE OFFENSIVE AGAINST LLM-ASSISTED LEGAL DRAFTING

Kildeev Adel Khanyafievich

A.A. Zhdanov Leningrad State University (1990)

PhD in Law

ORCID: 0009-0001-2211-4944

Abstract: This article examines *Nippon Life v. OpenAI* as one of the first private lawsuits directed against LLM-assisted legal drafting. It argues that the complaint raises a serious regulatory issue but does so through a structurally unstable theory of liability. While the complaint correctly describes ChatGPT as an automated system, it then proceeds as if the model were a knowing and intentional legal actor. The article analyzes this tension through the doctrines of personal jurisdiction, tortious interference, abuse of process, unauthorized practice of law, and Rule 12(b)(6). It concludes that the complaint is likely vulnerable both jurisdictionally and at the pleading stage yet remains important because it opens a broader debate about the admissibility of artificial intelligence within licensed professional spheres and about the future boundary between human responsibility and machine-assisted professional work.

Keywords: Artificial intelligence; large language models; OpenAI; unauthorized practice of law; legal drafting; personal jurisdiction; Rule 12(b)(6); licensed professions.

When preparing the article, the author used generative AI systems, including, but not limited to: ChatGPT (OpenAI), Gemini (Google), Grok (xAI). All final decisions are made personally by the author.

Глава 1. Введение

Стремительное развитие генеративного искусственного интеллекта привело не только к технологическим и экономическим изменениям, но и к росту числа судебных разбирательств в Соединённых Штатах. Претензии, связанные с системами ИИ и их разработчиками, теперь возникают в различных доктринальных областях, включая авторское право, конфиденциальность, защиту прав потребителей, антимонопольное право, трудовое и профессиональное регулирование. Таким образом, судебные разбирательства, связанные с ИИ, начинают становиться узнаваемой категорией споров с повторяющимися фактическими моделями, юридическими противоречиями и процессуальными фильтрами.

В этой статье рассматривается иск по делу *Nippon Life Insurance Company of America* против *OpenAI Foundation* и др., а также оценивается как

его основная структура, так и основные средства защиты, вероятно, доступные ответчикам¹⁴. Дело особенно интересно, поскольку оно пытается связать результаты крупных языковых моделей (LLM) с юридически признаваемым вредом в контексте судебных разбирательств. В этом отношении спор отличается от уже привычных категорий судебных разбирательств по ИИ, связанных с авторским правом, обучающими данными или регулированием платформ. Вместо этого он ставит вопрос о том, могут ли якобы юридические материалы, сгенерированные ИИ, служить основанием для частных гражданских исков, основанных на традиционных доктринах, таких как деликтное вмешательство в договор, злоупотребление процессом и незаконная юридическая практика.

Методологически эта статья сочетает в себе доктринальный правовой анализ, внимательное изучение искового заявления и выборочное сравнение с другими спорами, связанными с ИИ, в судах США. Её основная предпосылка заключается в том, что подобные документы должны рассматриваться на двух уровнях одновременно. Во-первых, они должны быть проверены в их собственных доктринальных рамках: по фактическим утверждениям, юридическим элементам каждого заявленного иска и внутренней согласованности самого заявления. Во-вторых, их следует рассматривать через процессуальную дисциплину федерального гражданского процесса, особенно личную юрисдикцию и Правило 12(b)(6), которые служат ранними фильтрами против претензий, риторически амбициозных, но доктринально хрупких.

Основной аргумент этой статьи заключается в том, что исковое заявление подрывается тем, что можно назвать онтологической нестабильностью. С одной стороны, иск правильно описывает ChatGPT как автоматизированную систему генерации текста. С другой стороны, он неоднократно строится так, будто модель является осознанным, намеренным и рассуждающим юридическим субъектом, способным самостоятельно провоцировать, принимать решения или злоупотреблять юридическими процессами. Этот сдвиг носит не только стилистический характер. Это искажает анализ каждого заявленного основания иска, затрудняет правильное распределение ответственности между пользователем, оператором и моделью и рискует заменить специфические для субъекта требования антропоморфными формулировками.

Дело важно не потому, что оно обязательно представляет сильную жалобу, а потому, что выявляет формирующееся институциональное беспокойство в необычайно открытой форме. Большая часть современных юридических и общественных дебатов вокруг генеративного ИИ сосредоточена на авторстве, обучающих данных, предвзятости, конкуренции и галлюцинациях в абстрактном смысле. Nippon Life указывает в другом

¹⁴ Электронный источник:

https://www.pacermirror.com/public/case/63415305/Nippon_Life_Insurance_Company_of_America_v_OpenAI_Foundation_et_al

направлении. Он касается возможного выхода систем с поддержкой LLM в сферу лицензированной профессиональной деятельности, а более конкретно — в судебную практику. В этом смысле исковое заявление проваливается с юридической точки зрения: она, кажется, выявляет реальную регуляторную проблему, но переводит её в неправильный доктринальный язык.

Это различие имеет значение. Более глубокая проблема, поднятая этим делом, заключается не в том, можно ли машину рассматривать как юриста в буквальном смысле, а в том, готовы ли правовые системы отличать помощь от делегирования, полезность от допустимости и инструментальный результат от профессиональной ответственности. Система может генерировать текст, который выглядит формально компетентным, но функциональная компетентность сама по себе не создаёт юридическое агентство, юридическое лицо или право на профессиональную деятельность. Суды, регуляторы и стороны должны столкнуться с вопросом о границах: какие функции могут поддерживаться инструментами ИИ, какие могут контролироваться, а какие остаются неделегируемыми, поскольку они входят в ядро лицензированного человеческого суждения и институциональной ответственности.

Вероятная судьба этого судебного процесса будет определяться не столько абстрактными утверждениями об искусственном интеллекте, сколько знакомыми процедурными и доктринальными ограничениями. Персональная юрисдикция может стать первой и самой серьёзной защитой. Даже если исковое заявление переживёт стадию юрисдикции, правило 12(b)(6) и стандарты ведения иска, связанные с делами *Twombly* и *Iqbal*, остаются существенными препятствиями. Исковое заявление, приписывающая знание, намерение или юридическую деятельность инструментальной системе без чёткого указания соответствующего человека или корпоративного субъекта, рискует разрушить различия, на которых зависят деликтное право, процессуальное право и профессиональное регулирование.

Соответственно, статья развивается в несколько этапов. Глава 2 восстанавливает структуру жалобы и выделяет её основные обвинения. Глава 3 рассматривает доктринальную и онтологическую нестабильность жалобы, с особым вниманием к тому, как она переключается между инструментальными и субъектными описаниями ChatGPT. Глава 4 анализирует основные пороговые защиты, включая личную юрисдикцию и вероятное действие Правила 12(b)(6). Глава 5 затем рассматривает более широкие последствия дела для лицензированных профессий и для границы между допустимой технологической помощью и неделегируемой человеческой ответственностью. В заключении утверждается, что будущие судебные разбирательства и регулирование в этой области должны решать институциональные вторжения, не вымышляя машинное агентство.

Более широкая юрисдикционная картина важна для анализа дела *Nippon Life Insurance Company of America* против *OpenAI Foundation* и др. Дело было подано не в Северной Калифорнии, а в Северном округе

Иллинойса 4 марта 2026 года. Публичные источники по делу указывают это как дело No 1:26-cv-02448. Reuters охарактеризовало это как иск, обвиняющий OpenAI в несанкционированной юридической деятельности через ChatGPT в связи с судебным процессом, иным бывшим истцом по инвалидности¹⁵. В этом смысле дело отличается от более привычного кластера споров по ИИ, связанных с обучающими данными, авторским правом или структурой рынка. Его значимость заключается именно в том, что судебные разбирательства по ИИ выходят за рамки своей первоначальной доктринальной и географической основы и охватывают такие области, как вред юридическим процессам, аналогии с профессиональным регулированием и новые частные иски против разработчиков ИИ.

По этой причине любое академическое исследование судебных разбирательств ИИ не должно сводить эту область ни к делам об авторском праве в Кремниевой долине, либо до абстрактных дебатов об агентстве машин. Более полезным подходом является рассматривать судебные разбирательства, связанные с ИИ, как развивающуюся категорию споров, в которой знакомые доктринальные инструменты применяются к технологически опосредованному поведению в разных юрисдикциях. С этой точки зрения, Северная Калифорния является главным центром тяжести благодаря институциональной концентрации, накопленному опыту ведения дел и расположению крупных компаний. Но это не эксклюзивный форум, и дела, поданные в других местах, могут оказаться особенно показательными именно потому, что они проверяют разные юридические теории и разные судебные среды. Nippon против OpenAI — один из таких случаев.

Глава 2. Описание искового заявления

Иск Nippon Life Insurance Company of America против OpenAI Foundation и OpenAI Group PBC был подан в Окружной суд США по Северному округу Иллинойса 4 марта 2026 года под номером 1:26-cv-02448¹⁶. Публичные источники по делам называют истцом Nippon Life Insurance Company of America, а также OpenAI Foundation вместе с OpenAI Group PBC в качестве ответчиков. Публично доступное исковое заявление зарегистрировано как Документ 1 и занимает примерно 50 страниц.

В жалобе утверждается, что Nippon Life Insurance Company of America является страховой компанией, зарегистрированной в соответствии с законами штата Айова, с основным местом ведения бизнеса в Нью-Йорке, штат Нью-Йорк. Также утверждается, что OpenAI Foundation является

¹⁵ Электронный источник: OpenAI подал иск, утверждая, что ChatGPT действовал как нелицензированный юрист | Reuters <https://www.reuters.com/legal/legalindustry/openai-hit-with-lawsuit-claiming-chatgpt-acted-an-licensed-lawyer-2026-03-05>

¹⁶ Электронный источник: https://www.pacermonitor.com/public/case/63415305/Nippon_Life_Insurance_Company_of_America_v_OpenAI_Foundation_et_al

неакционерной корпорацией штата Делавэр с основным офисом в Сан-Франциско, Калифорния, а OpenAI Group PBC — это публичная корпорация общественной пользы штата Делавэр, также с головным офисом в Сан-Франциско. Иск ссылается на федеральную юрисдикцию по вопросам разнообразия (diversity jurisdiction) согласно 28 U.S.C. § 1332, явно утверждая полное разнообразие граждан и сумму, превышающую 75 000 долларов, без учёта процентов и издержек.

На процессуальном уровне это дело важно, поскольку оно не возникает из уже привычных кластеров судебных разбирательств по ИИ, связанным с обучающими данными, авторским правом или конкуренцией. Вместо этого иск стремится связать якобы сгенерированный ИИ правовой материал с вредом, связанным с судебными разбирательствами, который якобы понесла сторона. В этом отношении дело представляет собой более необычную процедурную и доктринальную позицию: оно пытается превратить использование генеративной системы ИИ в правовом контексте в частные гражданские иски, предъявляемые не пользователем, а третьим лицом, против разработчика ИИ. Эта особенность сама по себе отличает этот иск от многих ранних исков против компаний, занимающихся ИИ, и делает его особенно актуальным для изучения обоснования достаточности и порогов защиты.

В поданной жалобе приводятся три самостоятельных основания иска: деликтное вмешательство в контракт, незаконная юридическая практика и злоупотребление процессуальной процедурой. Истец также требует компенсационных и штрафных убытков, а также декларативных и судебных запретов. Таким образом, с самого начала дело представляет собой не просто фактический спор о продукции ИИ, но и структурированную попытку изложить такие результаты в рамках установленных оснований для иска и категорий средств судебной защиты в гражданском процессе США.

Case: 1:26-cv-02448 Document #: 1 Filed: 03/04/26 Page 1 of 50 PageID #:1

UNITED STATES DISTRICT COURT
NORTHERN DISTRICT OF ILLINOIS-----X
NIPPON LIFE INSURANCE COMPANY OF
AMERICA,
Plaintiff,

Case No.: _____

v.
OPENAI FOUNDATION, and OPENAI GROUP
PBC,Defendants.
-----X**NIPPON LIFE INSURANCE COMPANY OF AMERICA'S COMPLAINT**

NIPPON LIFE INSURANCE COMPANY OF AMERICA (hereinafter referred to as "NIPPON"), by and through its undersigned counsel, for its Complaint against OPENAI FOUNDATION and OPENAI GROUP PBC (hereinafter collectively referred to as "OPENAI") alleges, on knowledge to its own actions and otherwise upon information and belief, as follows:

PRELIMINARY STATEMENT

1. NIPPON brings this lawsuit against OPENAI FOUNDATION and OPENAI GROUP PBC under the common and statutory laws of the State of Illinois for: a) tortious interference with a contract; b) the unlicensed practice of law; and c) abuse of process. This action arises from OPENAI's collective conduct, through its artificial intelligence ("AI") chatbot program, ChatGPT, in providing legal assistance to a user, Graciela Dela Torre (hereinafter referred to as "Dela Torre"), without licensure. As Dela Torre's legal assistant and advisor, OPENAI intentionally induced and facilitated Dela Torre's breach of a valid and enforceable settlement agreement with NIPPON by encouraging and assisting her in filing a motion to reopen a lawsuit that had been dismissed with prejudice. It also aided and abetted her abuse of the judicial

Case: 1:26-cv-02448 Document #: 1 Filed: 03/04/26 Page 49 of 50 PageID #:49

preparation and drafting of her various motions and requests for judicial notice which were filed in the United States District Court for the Northern District of Illinois. ChatGPT also provided Dela Torre with legal analysis, legal research and legal advice as assistance to her two lawsuits in the Northern District of Illinois. Consequently, ChatGPT engaged in the practice of law in the state of Illinois without a license.

127. Therefore, OPENAI, is guilty of the unlicensed practice of law in the state of Illinois.

WHEREFORE, NIPPON respectfully requests that the Court enter judgment as follows:

- a) Permanently enjoining OPENAI from continuing to provide legal assistance to Graciela Dela Torre;
- b) Declaratory relief pursuant to 28 U.S.C. § 2201, holding that OPENAI has violated 705 ILCS 205/1 by practicing law in the state without a license.
- c) Permanently enjoining OPENAI, from engaging in the practice of law in the state of Illinois;
- d) Compensatory damages of \$300,000;
- e) Punitive damages of \$10 million;
- f) Awarding NIPPON its reasonable costs and attorney's fees;
- g) Granting any such other and further relief as the Court deems necessary, just and proper.

Dated: March 4, 2026

Respectfully submitted,

/s/ Christopher M. Assise
Christopher M. Assise (acting as local counsel)
Sidley Austin LLP
One South Dearborn Street
Chicago, Illinois 60603
Email: cassise@sidley.com
Phone: 312-853-7000
Facsimile: 312-853-7036

49

Фото 1. Первая и последняя страница искового заявления

Учитывая, что доступ к судебным материалам США из России может быть ограничен из-за ограничений, связанных с санкциями правительства США, а также учитывая важность точного юридического языка и его понимания судебного дела, выбранные отрывки приведены ниже в переводе (перевод Microsoft и рецензирован автором). Отдельные фрагменты приведены ниже в переводе не как доказательство по существу, а чтобы проиллюстрировать теорию и юридическую формулировку истца:

«ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ

1. NIPPON подаёт иск против OPENAI FOUNDATION и OPENAI GROUP PBC в соответствии с общими и статутными законами штата Иллинойс за: а) деликтное вмешательство в контракт; б) нелицензированную юридическую практику; и в) злоупотребление процессом. Это действие связано с коллективной деятельностью OPENAI через программу чат-ботов искусственного интеллекта ("ИИ") ChatGPT, предоставляющей юридическую помощь пользователю, Грасиеле Дела Торре (далее — "Дела Торре"), без лицензии. В качестве юридического помощника и советника Дела Торре OPENAI намеренно подстрекал и способствовал нарушению действительного и исполнимого соглашения об урегулировании с NIPPON, поощряя и помогая ей подать исковое заявление о возобновлении иска, который был отклонён с запретом на повторное предъявление. Это также способствовало её злоупотреблениям судебным процессом.

2. В результате неправомерного поведения OPENAI NIPPON была вынуждена потратить значительное время и ресурсы на повторное судебное

разбирательство по уже урегулированным требованиям, что понесло значительные судебные издержки, расходы и другие убытки.

ЮРИСДИКЦИЯ

3. Суд обладает юрисдикцией по основанию различного гражданства сторон по этому иску в соответствии с 28 U.S.C. § 1332, поскольку стороны являются гражданами разных штатов. NIPPON — это отечественная страховая компания, зарегистрированная в штате Айова, с основным местом ведения бизнеса в Нью-Йорке, штат Нью-Йорк. OPENAI FOUNDATION и OPENAI GROUP PBC — обе корпорации, зарегистрированные в Делавэре, с основным офисом в Сан-Франциско, Калифорния. Сумма спора превышает \$75,000.

ПОДСУДНОСТЬ

4. Подсудность в данном округе является надлежащей согласно 28 U.S.C. § 1391(b)(2), поскольку значительная часть событий или упущений, приведших к подаче этой жалобы, произошла именно в этом округе.

ПРАВО

А. Деликтное вмешательство в контракт.

14. Иск о деликтном вмешательстве в контракт — когда третье лицо необоснованно вмешивается или побуждает сторону к нарушению договора — хорошо признано законодательством Иллинойса. См. дело Herman против Prudence Mut. Cas. Co., 41 Ill.2d 468 (1969); цитируя дело Doremus против Hennessy, 176 Ill. 608, 52 N.E. 924, 54 N.E. 524, 43 L.R.A. 797 (1898); London Guarantee and Accident Co. против Horn, 206 ILL. 493, 69 N.E. 526 (1903); Союз плотников против Гражданского комитета по обеспечению исполнения решения Лэндиса, 333 Ill. 225, 164 N.E. 393, 63 A.L.R. 157 (1928). «Деликт признаёт, что у отдельных лиц есть имущественный интерес в своих деловых отношениях, так что эти интересы должны быть защищены от причинения вреда третьими лицами.» Webb против Frawley, 906 F.3d 569, 577 (7-й округ, 2018); ссылаясь на дело Belden Corp против InterNorth, Inc., 90 Ill.App.3d 547, 45 Ill.Dec. 765, 413 N.E.2d 98, 101 (1980).

15. Для предъявления иска о деликтном вмешательстве в договор, «истец должен привести факты, достаточные для установления: 1) действительного договора, 2) осведомленности ответчика о контракте, 3) преднамеренного и необоснованного побуждения ответчика к нарушению договора, 4) последующего нарушения договора, вызванного неправомерным поведением ответчика, и 5) возмещения убытков. Webb на стр. 577; ссылаясь на Healy против Metro. Pier и Exposition Auth., 804 F.3d 836, 842 (7-й округ, 2015); HPI Health Care Servs., Inc. против Mt. Vernon Hosp., Inc., 131 Ill.2d 145, 137 Ill.Dec. 19, 545 N.E.2d 672, 676 (1989).

16. Побуждение может быть любым поведением, выражающим желание третьей стороны повлиять на договаривающуюся сторону с целью нарушения договора. «Таким образом, это может быть простая просьба или убеждение, оказывающее лишь моральное давление. Или это может быть заявление без конкретного запроса, но с тем же эффектом, как если бы запрос был сделан специально.» Повторное утверждение (второе) дела о деликтах § 766(k) (1979).

17. Программист может нести ответственность за деликтное вмешательство в контракт, если он сознательно разрабатывает, продвигает и поддерживает программное обеспечение для содействия незаконной деятельности. См. MDY Industries, LLC против Blizzard Entertainment, Inc., 629 F.3d 928 (9-й округ, 2010). Намерение может быть сделано выводом, если разработчик действительно знает о нарушениях пользователя и предпринимает позитивные меры, существенно способствующие этим нарушениям. Там же.

В. Злоупотребление процессом

18. В соответствии со Restatement (Second) of Torts «[к]о, кто использует судебный процесс, будь то уголовный или гражданский, против другого человека в первую очередь для достижения цели, для которой он не предназначен, несёт ответственность перед другим за вред, причинённый злоупотреблением процессуальной процедурой.» Второе утверждение деликтов § 682. Комментарий к Переутверждению отмечает, что суть проступка «не является незаконным получением судебного процесса или незаконным возбуждением уголовных или гражданских процессов; это неправильное использование процесса, независимо от того, насколько он правильно получен, для любой цели, отличной от той, для которой он был предназначен для достижения.» Повторное утверждение (второе) деликтов § 682 (a).

19. «Согласно законодательству Иллинойса, единственными элементами, необходимыми для предъявления иска о злоупотреблении процессом, являются: 1) наличие скрытой цели или мотива и; 2) какое-либо действие в использовании судебного процесса, не надлежащее для регулярного ведения производства (внутренние цитаты опущены).» Рэсе против Timmermann's Ranch and Saddle Shop Inc., 795 F.3d 748, 757 (7-й округ 2015); ссылаясь на Kumar v. Bornstein, 354 Ill.App.3d 159, 290 Ill.Dec 100, 820 N.E.2d 1167, 1173 (2004). Суть деликта злоупотребления процессуальной деятельностью заключается в злоупотреблении полномочиями суда. См. International Motor Contest Ass'n, Inc. против Staley, 434 F.Supp.2d 650 (N.D. Iowa 2006) (применение законодательства штата Айова) (постановляя, что деликт злоупотребления процессом является неправомерной целью использования этого процесса).

20. Суды Соединённых Штатов давно постановили, что ответственность за иск о злоупотреблении процессом распространяется на всех, кто сознательно участвовал, помогал или пособствовал в

злоупотреблении, а также на тех, кто советовал или давал согласие на незаконные действия. См. *Broadmoor Apartments of Charleston против Horwitz*, 306 S.C. 482 (1991) (постановляющее, что лица, советовавшие совершить или согласившиеся с незаконными действиями злоупотребления процессом, несут ответственность как совместные деликтные нарушители); *Valles против Silverman*, 135 N.M. 91 (Ct. App. 2003) (постановляя, что не являющаяся в споре сторона может быть привлечена к ответственности за злоупотребление процессом в основанных гражданских исках); *Alexander против Unification Church of America*, 634 F.2d 673 (2nd Cir. 1980) (постановлено, что лицо несёт ответственность за злоупотребление процессом, если оно добилось инициирования производства третьей стороной); *Hewes v. Wolfe*, 74 N.C.App. 610 (1985) (подтвердил решение нижестоящего суда, признавшего адвоката ответственным за злоупотребление процессом через партнёрские действия).

С. Осуществление юридической практики без лицензии

21. 705 ILCS 205/1 гласит, что «[никто не может заниматься юридической практикой в качестве адвоката или консультанта в этом штате без предварительного получения лицензии для этой цели в Верховном суде этого штата.» 705 ILCS 205/1 § 1. «Любой человек, практикующий ... или предоставление юридических услуг в этом штате, прямо или косвенно, без получения лицензии на практику, как требуется в этом документе, является виновным в неуважении к суду...» Там же. "Иллинойс"

Суды постановили, что юридическая практика не ограничивается судебными явками, а также включает услуги, оказанные вне суда.» *In re Herrera*, 194 B.R. 178, 191 (Bnkr.N.D.Ill 1996); цитируя *People v. Peters*, 10 Ill.2d 577, 581–82, 141 N.E.2d 9 (1957). «Верховный суд Иллинойса определил юридическую практику как подготовку заявлений и других документов, связанных с делами и специальными процедурами, а также управление такими делами и делами от имени клиентов перед судьями и судами, а также, кроме того, оформление имущества, подготовку юридических документов всех видов и, в целом, все консультации клиентам и все предпринимаемые для них меры по вопросам, связанным с законом (внутренние цитаты опущены).» *In re Herrera* на стр. 191; ссылаясь на дело *People ex rel. Courtney против Ассоциации налогоплательщиков недвижимости штата Иллинойс*, 354 Ill. 102, 109–110, 187 N.E. 823 (1933).

22. Местное правило 83.10 определяет квалификацию заявителей для вступления в коллегия адвокатов Северного округа Иллинойса, требуя от них «быть членом адвокатской коллегии высшего суда любого штата США или округа Колумбия, имеющей хорошее положение, и быть честными и с хорошим моральным характером, и должен проявлять общую пригодность к практике права.» Северный округ Иллинойса L.R. 83.10(a).

23. Федеральные суды обладают врожденными полномочиями, «регулируемыми не правилами или законом, а контролем, обязательно предоставленным судам для управления своими делами с целью обеспечения

упорядоченного и оперативного рассмотрения дел.»U.S. v. Johnson, 327 F.3d 554, 560 (7th Cir. 2003); ссылка на Chambers v. NASCO, 501 U.S. 32, 43, 111 S.Ct. 2123, 115 L.Ed.2d 27 (1991); цитирование дела United States v. Hudson, 11 U.S. 32, 34, 3 L.Ed. 259 (1812); Anderson против Dunn, 19 U.S. 204, 227, 5 L.Ed. 242 (1821); Link против Wabash R.R. Co., 370 U.S. 626, 630–631, 82 S.Ct. 1386, 8 L.Ed.2d 734 (1962). «Ключевым среди полномочий, присущих всем судам, является полномочия контролировать допуск в коллегия адвокатов и дисциплинировать адвокатов, выступающих перед ней (внутренние цитаты опущены).»Johnson на стр. 560; ссылка на Chambers на 43; Ex parte Burr, 22 U.S. 529, (1824). «Логично следует, что полномочия федерального суда регулировать и наказывать адвокатов, выступающих перед ним, распространяются и на действия неюристов, равные практике без лицензии.»Джонсон на 560.

ФАКТЫ

A. ChatGPT

24. ChatGPT — это приложение искусственного интеллекта, разработанное и управляемое компанией OPENAI, которое использует крупные языковые модели (LLM) для генерации человеческих текстовых ответов на основе ввода пользователя. Он может выполнять различные языковые задачи, включая ответы на вопросы, составление контента, резюме текста, написание кода и ведение диалогов. Его выходные данные получаются автоматически в соответствии с заранее заданными техническими параметрами и правилами использования, установленными OPENAI. Сервис доступен через интернет и предлагается как по бесплатным, так и по платным подпискам.

25. Пользователи могут получить доступ к ChatGPT, посетив <http://www.chat.openai.com> и создав бесплатный аккаунт OpenAI. После входа в систему они могут начать вводить вопросы или подсказки в интерфейс чат-бота. ChatGPT отвечает на естественном языке, позволяя пользователям вступать в беседу, получать помощь с написанием, запрашивать объяснения или выполнять различные задачи. Платная версия под названием

Также доступен ChatGPT Plus, который предоставляет доступ к более продвинутым возможностям и моделям.

32. ChatGPT был специально разработан с доступными функциями, позволяющими пользователям получать юридическую помощь, включая юридические исследования, правовой анализ, юридические консультации и проекты юридических документов.

33. ChatGPT не является адвокатом. Хотя он смог сдать Единый экзамен на адвоката с общим баллом 297, она не была допущена к юридической практике в штате Иллинойс или в любой другой юрисдикции США.

34. ChatGPT не является членом коллегии адвокатов штата Иллинойс. ChatGPT не является зарегистрированным адвокатом в штате Иллинойс.

ChatGPT не был допущен к практике в Окружном суде США Северного округа Иллинойса.

35. ChatGPT имеет задокументированную историю создания поддельных или несуществующих юридических ссылок, известных как «галлюцинации». См. *Mata против Avianca, Inc.*, 678 F.Supp.3d 443 (S.D.N.Y. 2023); *Park v. Kim*, 91 F.4th 610 (2-й округ 2025).

41. 29 октября 2025 года OPENAI внесла изменения в условия использования ChatGPT, запретив пользователям использовать ChatGPT для предоставления индивидуальных юридических консультаций. До внесения поправок от 29 октября 2025 года условия использования ChatGPT не запрещали пользователям использовать ChatGPT для составления юридических документов, проведения юридических исследований, предоставления юридического анализа или предоставления юридических консультаций.

105. Как непрофессиональный человек без юридического опыта, который, по преданию, страдает от физических недомоганий рук и локтей, Дела Торре не смогла бы осуществлять свои процессуальные действия и подавать заявления с таким же объёмом и частотой, если бы не юридическая помощь, предоставляемая OPENAI через приложение ChatGPT. Дела Торре не смогла бы продолжать свою кампанию мести и преследований против NIPPON, если бы не способность ChatGPT готовить и разрабатывать юридические документы для подачи в суд.

106. Из-за злоупотребления судебной системой со стороны Делы Торре, при содействии нелицензированной юридической практики OPENAI, NIPPON понёс значительный ущерб и ущерб репутации. NIPPON была вынуждена потратить значительные ресурсы на защиту и исполнение Соглашения о урегулировании, которое Дела Торре даже признаёт окончательным и подлежащим исполнению, а также для повторного рассмотрения претензий, которые ранее были отклонены. Кроме того, NIPPON была вынуждена потратить значительное время и ресурсы на реагирование на поток явно необоснованных ходатайств и запросов о судебном уведомлении. Ущерб, понесённый NIPPON, включал понесённые расходы, юридические расходы и гонорары примерно в размере 300 000 долларов.

Первое основание иска:

Деликтное вмешательство в контракт

107. NIPPON повторяет и вновь использует пункты с 1 по 106 настоящего документа, словно полностью изложенные здесь.

108. Для предъявления иска о деликтном вмешательстве в договор в Иллинойсе, «истец должен привести факты, достаточные для установления: 1) действительного договора, 2) знания ответчика о договоре, 3) преднамеренного и необоснованного побуждения ответчика к нарушению

договора, 4) последующего нарушения договора, вызванного неправомерным поведением ответчика, и 5) возмещения убытков. Уэбб, стр. 577; цитирует Хили на стр. 842; HPI Health Care Servs., Inc. на 545 N.E.2d 672, 676.

109. OPENAI разработала ChatGPT для предоставления юридических услуг и, во все периоды, имеющие значение для настоящего иска, знала, что программа используется для предоставления юридической помощи пользователям. Тем не менее, OPENAI не внесла изменения в спецификацию модели или условия использования, чтобы запретить ChatGPT предоставлять юридическую помощь до 29 октября 2025 года. Отказ изменить ни Model Spec, ни условия использования, несмотря на то, что программа использовалась для предоставления юридических услуг, демонстрирует соучастие OPENAI в нелегализованном предоставлении юридической помощи ChatGPT.

110. Соглашение о урегулировании между NIPPON и Dela Torre является действительным договором, действительность которого ранее была подтверждена судом. OPENAI знала о Соглашении между NIPPON и Делой Торре через информацию, предоставленную ChatGPT Делой Торре в ходе её постоянного использования программы с января 2025 года.

111. OPENAI через ChatGPT побудил Dela Torre нарушить Соглашение о соглашении, сознательно сформулировав юридические аргументы и составляя судебные документы, которые поощряли и облегчали оспаривание Соглашения. Такое поведение подтолкнуло и укрепило усилия Делы Торре по отмене соглашения и побудило её подать исковое заявление о возобновлении иска.

112. OPENAI целенаправленно запрограммировала ChatGPT рассуждать и сознательно стимулировать вовлечённость пользователей в рамках параметров, установленных спецификацией модели. В результате ChatGPT сознательно предоставил Деле Торре юридическую помощь, чтобы заставить её нарушить условия соглашения о урегулировании с NIPPON, чтобы побудить Делу Торре к дальнейшему взаимодействию с чатботом.

113. Дела Торре опиралась на эту помощь для подачи ходатайства о возобновлении первого иска против NIPPON и последующего внесения изменений во второй иск, присвоив NIPPON как назначенного ответчика — действия, которые напрямую нарушали положения Соглашения о прекращении иска Dela Torre против NIPPON и освобождении NIPPON от всей ответственности и претензий.

114. Из-за этих нарушений NIPPON была вынуждена потратить значительное время и ресурсы на судебное разбирательство, которое было урегулировано и отклонено с предвзятостью. Ущерб включал понесённые расходы, юридические расходы и гонорары.

115. Таким образом, OPENAI виновна в деликтном вмешательстве в контракт.

Второе основание иска:

Злоупотребление процессом

116. NIPPON повторяет и вновь использует пункты с 1 по 106 настоящего документа, как будто они изложены в этом документе.

117. В Иллинойсе элементами деликта злоупотребления процессом являются: 1) наличие скрытой цели или мотива и; 2) какое-либо действие в использовании судебного процесса, не надлежащее для регулярного ведения производства (внутренние цитаты опущены).» Пейс на 757; ссылаясь на Кумара в 820 N.E.2d 1173.

118. Дела Торре подавала необоснованные ходатайства и запросы на судебное уведомление в обоих своих исках против NIPPON без законной или надлежащей цели. Вместо этого её действия были направлены на преследование и публичное очернение NIPPON в ответ на её предполагаемую жертву и в ответ на физические, психические и финансовые страдания, которые, по мнению Дела Торре, причинил ей NIPPON. В связи с этим Дела Торре злоупотреблял судебным процессом.

119. OPENAI через свою программу чат-ботов на базе ИИ ChatGPT помогал и поддерживал злоупотребления Делой Торре, предоставляя ей юридические консультации, правовой анализ и исследования, а также помогая Деле Торре в составлении и подготовке её необоснованных ходатайств и запросов на судебное уведомление против NIPPON.

120. Таким образом, OPENAI виновен как совместный причинитель вреда в злоупотреблении судебным процессом со стороны Дела Торре.

Третье основание иска:

Нелицензированная юридическая практика

121. NIPPON повторяет и вновь использует пункты с 1 по 106 настоящего документа, как будто они полностью изложены здесь.

122. В штате Иллинойс «[н]один человек не может заниматься адвокатом или советником в этом штате без предварительного получения лицензии для этой цели от Верховного суда этого штата». 705 ILCS 205/1 § 1. «Любой человек, практикующий ... или предоставление юридических услуг в этом штате, прямо или косвенно, без получения лицензии на практику, как требуется в этом документе, является виновным в неуважении к суду..." Там же.

123. OPENAI через свою программу чат-ботов на базе ИИ ChatGPT предоставляет юридические консультации, правовой анализ, юридические исследования и может составлять юридические документы для передачи в суд. ChatGPT предоставляет эти юридические услуги любому пользователю, который их запросит.

124. ChatGPT не имеет лицензии на юридическую практику в Иллинойсе. ChatGPT не является членом коллегии адвокатов штата Иллинойс. ChatGPT не допускается к юридической практике ни в одном штате США.

125. OPENAI не является профессиональным юридическим лицом.

126. OPENAI через ChatGPT помогал Деле Торре, жительнице Иллинойса, в подготовке и составлении её различных ходатайств и запросов на судебное уведомление, которые были поданы в Окружной суд США по Северному округу Иллинойса. ChatGPT также предоставлял услуги

Дела Торре предоставила правовой анализ, юридические исследования и юридические консультации в качестве помощи в двух судебных процессах в Северном округе Иллинойса. В результате ChatGPT занимался юридической практикой в штате Иллинойс без лицензии.

127. Таким образом, OPENAI виновен в нелицензированной юридической практике в штате Иллинойс.

В СВЯЗИ С ИЗЛОЖЕННЫМ NIPPON с уважением просит суд вынести следующее решение:

а) Постоянный запрет OPENAI продолжать оказывать юридическую помощь Грасиэле Дела Торре;

б) Декларативное возмещение в соответствии с 28 U.S.C. § 2201, согласно которому OPENAI нарушила 705 ILCS 205/1, осуществляя юридическую практику в штате без лицензии.

с) Навсегда запретить OPENAI заниматься юридической практикой в штате Иллинойс;

д) Компенсация ущерба в размере 300 000 долларов;

е) Штрафные убытки в размере 10 миллионов долларов;

ф) Присуждение NIPPON разумных расходов и гонораров адвокатов;

г) Предоставление любых других и дополнительных средств защиты, которые Суд сочтёт необходимыми, справедливыми и надлежащими.

Глава 3. Критические дефекты искового заявления

3.1. Онтологическая нестабильность искового заявления

Первый и самый фундаментальный недостаток искового заявления заключается в его онтологической нестабильности. На уровне определения оно описывает ChatGPT как приложение искусственного интеллекта, использующее большую языковую модель для генерации человеческих текстовых ответов на основе пользовательского ввода и работы с заранее заданными техническими параметрами. Это описание, по сути, основано на инструментах, а не на субъектах. Однако, как только исковое заявление переходит от технического описания к правовой ответственности, она отказывается от этой концепции и начинает говорить так, будто сама модель

может знать, намереваться, побуждать, помогать, рассуждать и сознательно способствовать юридическим нарушениям. Этот сдвиг не является просто риторическим. Это создаёт структурное противоречие в основе ходатайства: исковое заявление начинается с автоматизированной системы генерации текста и заканчивается квази-агентным описанием целенаправленного нарушителя. Исковое заявление может не последовательно определить систему как неагентную на одном этапе, а затем приписывать ей классические ментальные предикаты деликтного нарушителя на следующем

17 18

Исковое заявление становится нестабильным, когда перестаёт рассматривать ChatGPT как инструмент и начинает рассматривать его как юридического лица. С этого момента намерение, знания, побуждение и неправильное использование процесса больше не связаны с чётко идентифицируемым объектом, а перемещаются между пользователем, компанией и самой моделью.

Автор подробно анализировал онтологию LLM в своих предыдущих статьях «ИИ — раб лампы» и «LLM — это не искусственный интеллект»: LLM — это *instrumentum vocale*, говорящий инструмент, но не субъект¹⁹.

3.2. Смешение поведения пользователя, поведения разработчиков и результатов модели

Второй дефект возникает сразу после первого. В жалобе неоднократно смешиваются три аналитически различных уровня поведения: поведение пользователя, поведение разработчика или оператора платформы и текстовый вывод самой модели. Пользователь выбирает подсказки, формирует спор, решает, что спрашивать, выбирает, какие ответы принимать, редактирует их и подаёт соответствующие ходатайства. Разработчик, напротив, принимает решения по дизайну, развертыванию и политике относительно продукта. Текстовый вывод модели — это снова что-то другое: сгенерированный язык, созданный вероятно в ответ на пользовательский ввод. Исковое заявление слишком легко перемещается между этими уровнями, словно они функционально взаимозаменяемы. Но это не так. Поведение человеческих судебных разбирательств, институциональный продукт и машинно-генерируемый текст — это разные явления, и их необходимо держать отдельно, если знание, намерение, причинно-следственная связь и ответственность должны приписываться в юридически строгой форме. Сводя эти уровни в единый нарратив о нарушении, исковое заявление создаёт иллюзию единого причинителя вреда, не идентифицируя его с доктринальной точностью²⁰.

¹⁷ Bell Atlantic Corp. против Twombly // United States Reports. 2007. Том 550. стр. 544–570.

¹⁸ Ashcroft против Икбала // United States Reports. 2009. Том 556. стр. 662–699.

¹⁹ ISSN 3033-7674, Scientific Platform 21st Century Journal, No 6 (сентябрь 2025), стр. 3–34; No 7 (октябрь 2025), стр. 4–36. Электронный ресурс: <https://www.episs.ru> (дата обращения: 10.03.2026).

²⁰ Bell Atlantic Corp. против Twombly, Ashcroft против Икбал.

3.3. Антропоморфная атрибуция как замена юридическому анализу

В жалобе также используется антропоморфная атрибуция вместо юридического анализа. Термины вроде «сознательно», «намеренно», «целесообразно» и «рассуждение» используются так, будто они решают проблему агентности, а не решают её. Но согласно современной федеральной доктрине искового иска, ярлыки и выводы недостаточны; Исковое заявление должно ссылаться на фактическое содержание, которое делает заявленное право на защиту правдоподобным, а не просто возможным²¹. Здесь исковое заявление неоднократно приписывает язык ментального состояния системе генерации текста, не преодолевая при этом должным разрывом между инструментальным описанием и ответственностью, основанной на акторах. Большая языковая модель не знает контракт в том же юридическом смысле, в каком ответчик знает контракт; он не намерен нарушить его в том же юридическом смысле, в котором сторона намеренно побуждает к неисполнению; и не злоупотребляет юридическим процессом в том же смысле, в каком это может делать сторона или адвокат. Каким бы сложным ни казался её результат, модель остаётся, на уровне технического описания жалобы, инструментом генерации языка, а не носителем юридического намерения.

3.4. Деликтное вмешательство: доктринальные элементы и концептуальное смещение

Эта нестабильность особенно заметна в теории деликтного вмешательства в жалобе. Согласно законодательству Иллинойса, иск о деликтном вмешательстве в контракт требует, по крайней мере, действительного и исполнимого контракта, осведомлённости ответчиком об этом договоре, преднамеренного и необоснованного побуждения к нарушению, последующего нарушения, вызванного неправомерным поведением ответчика, и возмещения ущерба. Исковое заявление указывает на эти элементы, но их применение остаётся концептуально нестабильным. Одно дело утверждать, что пользователь получил язык от чат-бота и позже использовал его в судебных разбирательствах; совсем другое — правдоподобно утверждать, что оператор платформы умышленно и необоснованно спровоцировал нарушение в смысле деликта штата Иллинойс. Исковое заявление обычно заменяет необходимый анализ знаний, стимулирования и причинности более свободным нарративом помощи. Однако помощь, содействие, корреляция или даже полезность не идентичны намеренному стимулированию. Также наличие пользовательских подсказок не гарантирует автоматически знание ответчика в доктринальном смысле, требуемом деликтом. Что на самом деле показывает исковое заявление, в

²¹ Цитаты выше.

лучшем случае, — это то, что человек-истец использовал автоматический инструмент при принятии собственных решений по стратегии судебного разбирательства. Это не то же самое, что признание права на неправомерное вмешательство в дисциплину, требуемую законом Иллинойса²².

3.5. Злоупотребление процессом: неправильный предмет деликта

Теория злоупотребления процессом столь же уязвима. Законодательство Иллинойса, изложенное в Седьмом округе, требует как скрытой цели, так и какого-либо действия при использовании судебного процесса, которые недопустимы при обычном преследовании²³. Простая враждебность, плохие мотивы или даже агрессивная судебная позиция недостаточны без злоупотребления самим процессом. Это требование здесь важно, потому что прямым пользователем процесса является человек-истец, а не языковая модель. Даже если результат модели помог стороне составить или оформить документ, это само по себе не определяет модель — или автоматически оператора платформы — как субъекта, который использовал процесс неправильно. Таким образом, исковое заявление недопустимо переходит от обвинений в сгенерированном тексте к обвинениям в злоупотреблении судебной процедурой без достаточного определения юридически релевантного субъекта в момент фактического применения процесса. По сути, он пытается превратить помощь в составление в злоупотребление процессами только за счёт семантической эскалации.

3.6. Незаконная юридическая практика: серьёзная проблема, поданная через неправильную категорию

Самая интеллектуально серьёзная интуиция жалобы проявляется в теории незаконной практики, но даже там аргумент подаётся не в ту категорию. Власти Иллинойса давно описывают юридическую практику в функциональных терминах, сосредотачиваясь на предоставлении консультаций или услуг, требующих юридических знаний или навыков²⁴. Современные власти Иллинойса также подтверждают, что штат продолжает регулировать несанкционированную деятельность через Правило Верховного суда 779 и связанные с ним институциональные механизмы контроля²⁵. Таким образом, настоящий правовой вопрос не является легкомысленным: если автоматизированная система функционально выполняет индивидуальные задачи юридической помощи, можно разумно спросить,

²² HPI Health Care Services, Inc. против больницы Mt. Vernon, Inc. // Illinois Reports. 1989. Том 131, 2d. стр. 145–175; North Eastern Reporter, вторая серия. Том 545. стр. 672–687.

²³ Podolsky против Alma Energy Corp. // Federal Reporter, третья серия. 1998. Том 143. Стр. 364–372.

²⁴ People ex rel. Illinois State Bar Association v. Schafer // Illinois Reports. 1949. Том 404. стр. 45–54; North Eastern Reporter, вторая серия. Том 87. стр. 773–777.

²⁵ Правило Верховного суда Иллинойса 779. Несанкционированные судебные разбирательства // Правила Верховного суда Иллинойса. Изменения внесены 29 января 2019 года, вступают в силу с 1 марта 2019 года.

перешёл ли оператор этой системы регуляторную черту, традиционно предназначенную для лицензированных участников. Но исковое заявление ослабляет этот серьёзный вопрос, подавая его так, будто сам чат-бот является нелицензированным практиком. Этот шаг путает регулирование сервиса с вымышленным лицензированием машины. Более последовательный вопрос — внедрила ли управляемая человеком организация автоматизированный продукт юридической помощи таким образом, что он вошёл в регулируемую сферу — а не можно ли само программное обеспечение метафорически рассматривать как юриста без лицензии^{26 27}.

Настоящая проблема не в том, нужна ли машина лицензии на юриспруденцию. Настоящая проблема заключается в том, входит ли сервис, управляемый человеком, регулирующую юридическую сферу через автоматизированный правовой выход, избегая институциональных обязательств, наложенных на лицензированных специалистов.

3.7. Функциональная полезность не создаёт юридическое лицо

Из той же схемы следует ещё одна концептуальная ошибка. Иск, по-видимому, предполагает, что если результаты модели были полезными, убедительными или даже юридически компетентными, то модель может рассматриваться так, будто она перешла в статус юридического субъекта. Этот вывод не следует. Функциональная полезность не создаёт юридическое лицо, а практическая помощь не создаёт агентность. Даже если предположить, что система производила связный и процедурно полезный материал, это лишь доказывает, что современные языковые модели могут всё эффективнее имитировать части юридического труда. Она не доказывает, что сама модель обладает юридическими знаниями в доктринальном смысле, сформировала намерение или стала правонарушителем. В лучшем случае это усилит регуляторные дебаты о допустимых границах автоматизированной юридической помощи. Однако исковое заявление неоднократно переходит от полезности к агентству и от агентства к ответственности, не выполняя необходимой доктринальной работы для обоснования любого из этих шагов.

3.8. Исковое заявление поднимает реальную проблему, но на неправильном доктринальном языке

По этой причине исковое заявление не следует отвергать как совершенно незначительную. Под риторическими излишествами он указывает на реальную юридическую проблему: закон будет всё чаще сталкиваться с системами, которые могут помочь пользователям составлять, формулировать и вести юридические споры. Но существование этой проблемы не оправдывает доктринальную путаницу. Слабость жалобы

²⁶ People ex rel. Illinois State Bar Association v. Шафер.

²⁷ Правило Верховного суда Иллинойса 779. Несанкционированная практика судебных разбирательств.

заключается не в поднятии важной проблемы, а в том, что он поднимает её через нестабильные концепции — антропоморфную агентность, заимствованные ментальные состояния и разрушающиеся различия между действиями пользователя, дизайном разработчика и результатом модели. В этом отношении исковое заявление лучше понимать не как последовательную теорию ответственности ИИ, а как пример онтологического отклонения в современных судебных разбирательствах по ИИ: оно не может решить, является ли соответствующий субъект пользователем, компанией или языковой моделью, и поэтому распределяет намерение, знания, побуждение и правонарушение между всеми тремя аспектами. Эта нестабильность — основной недостаток, из которого вытекают трудности остальных требований²⁸.

В этот момент онтологический вопрос уже не отделён от доктринального. В иске используется не просто неточная формулировка, она опирается на эту неточность для обоснования юридических претензий, которые иначе не имеют постоянного носителя знаний, намерений или злоупотребления.

Глава 4. Возможные линии защиты

4.1. Отсутствие личной юрисдикции как первичного возражения защиты

Первая и самая серьёзная защита, вероятно, — отсутствие личной юрисдикции. В жалобе могут описываться последствия, связанные с Иллинойсом, судебные процессы в Иллинойсе и регуляторные интересы штата, но персональная юрисдикция не определяется исключительно на основе форумных эффектов. Согласно устоявшейся доктрине Верховного суда, соответствующий анализ ориентирован на ответчика. В деле *Walden против Fiore*, суд ясно дал понять, что необходимые отношения с форумом должны возникать из контактов, которые сам ответчик устанавливает с соответствующим штатом, и что истец не может быть единственным связующим звеном между ответчиком и форумом. *Daimler AG против Бауман* резко ограничивает общую юрисдикцию над корпоративными ответчиками только теми юрисдикциями, где они фактически «дома», в то время как дело *Ford Motor Co. против Восьмого судебного округа Монтаны* подтверждает, что конкретная юрисдикция требует, чтобы исковые требования возникали из контактов ответчиков с форумом либо были с ними связаны.²⁹³⁰³¹ Таким образом, само утверждение о том, что третье лицо использовало универсальную языковую модель в судебных

²⁸ Последние события в несанкционированной практике правоохранительных органов // Суды Иллинойса [Электронный ресурс]. 2018.

²⁹ *Walden против Фиоре* // *United States Reports*. 2014. Том 571. стр. 277–291.

³⁰ *Daimler AG против Баумана* // *United States Reports*. 2014. Том 571. стр. 117–142.

³¹ *Ford Motor Co. против Восьмого судебного округа Монтаны* // *United States Reports*. 2021. Том 592. стр. 351–371.

разбирательствах, связанных с Иллинойсом, само по себе не доказывает, что Иллинойс может осуществлять личную юрисдикцию над OpenAI в отношении теорий деликтов и UPL.

4.2. Эффекты в Иллинойсе отличаются от контактов в Иллинойсе

Это различие подтверждается самим законодательством Иллинойса. Закон штата Иллинойс с длинной рукой, 735 ILCS 5/2-209, определяет конкретные акты, которые могут подвергать нерезидента юрисдикции, включая ведение бизнеса внутри штата и совершение деликтного акта внутри штата; в то же время подпункт (с) расширяет юрисдикцию Иллинойса только до конституционных ограничений, разрешенных Конституциями Иллинойса и Соединённых Штатов.³² Соответственно, даже если истец представит предполагаемую травму как сосредоточенную в Иллинойсе, это не отменяет конституционного требования, чтобы поведение ответчика создавало соответствующий форум. Таким образом, OpenAI может утверждать, что исковое заявление смешивает downstream-эффекты из Иллинойса с форумными контактами, созданными самим OpenAI.

Та же путаница, выявленная в главе 3, вновь появляется здесь в процедурной форме. Как только исковое заявление начинает размывать границу между поведением пользователя, результатом модели и поведением оператора, последствия в Иллинойсе начинают похожи на контакты из Иллинойса. Однако Walden не допускает юрисдикцию антропоморфным сокращённым путём: остаётся актуальный вопрос, создал ли сам ответчик этот форумный контакт.

4.3. Исковое заявление может показать, почему предпочтительнее Иллинойс, а не почему Иллинойс обладает судебными полномочиями

Это возражение особенно сложно для истца, поскольку Дела Торре не является ответчиком. Её предполагаемое использование продукта само по себе не может предоставить контакты со стороны ответчика, необходимые для личной юрисдикции. Ключевой вопрос заключается не в том, где действовал пользователь, а в том, совершил ли сам OpenAI подходящее для форума поведение, достаточное, чтобы иск в Иллинойсе был конституционно обоснованным. Иными словами, исковое заявление может объяснить, почему Иллинойс является центральным для нарратива истца о вреде, но центральная роль повествования — это не то же самое, что судебная власть над ответчиком, проживающим в Калифорнии. Вот почему юрисдикционное исковое заявление, вероятно, будет на первом месте: оно оспаривает право

³² Составленные статуты Иллинойса. 735 ILCS 5/2-209. Закон о подчинении юрисдикции — Процесс [Электронный ресурс].

суда рассматривать спор до рассмотрения существа. Эта последовательность напрямую следует Уолдену, Даймлеру и Форду.³³

По этой причине юрисдикционное исковое заявление сделает больше, чем просто откладывает рассмотрение по существу. Она проверяет, выявила ли иск юридически релевантную связь между ответчиком и форумом, а не просто описывает эффекты, ориентированные на Иллинойс, вызванные поведением пользователя, не являющегося стороной.

4.4. Отсутствие преднамеренного и необоснованного побуждения

Если суд выйдет за пределы юрисдикции, у OpenAI всё равно будут существенные оправдания по существу. Дело о вмешательстве в деликт уязвимо, поскольку законодательство Иллинойса требует большего, чем просто наличие контракта и последующее неблагоприятное поведение третьей стороны. В деле *HPI Health Care Services, Inc. против Mt. Vernon Hospital, Inc.* Верховный суд Иллинойса изложил знакомые элементы: действительный и подлежащий исполнению договор, осведомленность ответчика о данном договоре, преднамеренное и необоснованное побуждение к нарушению, последующее нарушение, вызванное неправомерным поведением ответчика, и компенсация ущерба.³⁴ Эти элементы отличаются и накапливаются. OpenAI, таким образом, может утверждать, что даже если пользователь обращался к ChatGPT при подготовке документов, такие обвинения сами по себе не доказывают умышленного и необоснованного побуждения в смысле деликта штата Иллинойс. В лучшем случае в жалобе утверждается использование универсального текстового инструмента, за которым следуют собственные возможности самостоятельного судебного разбирательства.

4.5. Независимое человеческое принятие решений ослабляет причинность

Связанная защита касается причинно-следственной связи. В жалобе неоднократно сводится результат модели к юридически эффективному поступку, однако в самой последовательности присутствует независимый человеческий актёр, который выбирает подсказки, формулирует спор, решает, стоит ли полагаться на сгенерированный материал, и подал соответствующие ходатайства. Таким образом, OpenAI может утверждать, что иск недостаточно сокращает разрыв между сгенерированным языком и юридически узнаваемой причинно-следственной связью. Доктрина деликта штата Иллинойс не рассматривает простую помощь, облегчение или полезность как взаимозаменяемую с преднамеренным побуждением,

³³ Цитаты

³⁴ *HPI Health Care Services, Inc. против больницы Mt. Vernon, Inc.* // *Illinois Reports*. 1989. Том 131, 2d. стр. 145–175; *North Eastern Reporter*, вторая серия. Том 545. стр. 672–687.

вызывающим нарушение. Присутствие вмешательства человеческого лица, принимающего решения, существенно ослабляет любые утверждения о том, что сам OpenAI стал причиной предполагаемого взлома.

Этот момент не просто фактический, но и доктринальный. Чем больше исковое заявление зависит от подсказок, выбора, редактирования и подачи решений пользователя, тем сложнее рассматривать результат модели как юридически решающую причину предполагаемого вреда. В какой-то момент то, что преподносится как травма, вызванная ИИ, начинает выглядеть как человеческое судебное разбирательство, опосредованное инструментом.

4.6. Злоупотребление процессом направлено на злоупотребление процессом, а не на помощь в составлении документов

Число злоупотреблений процессом также подвергается серьёзным нападкам. Согласно делу *Podolsky против Alma Energy Corp.*, законодательство Иллинойса требует как скрытой цели, так и некоторых действий при использовании судебного процесса, который является ненадлежащим при регулярном ведении производства.³⁵ Власти Иллинойса, применяющие дело *Подольски*, также повторяют, что одного только возбуждения разбирательства, даже с злонамеренным намерением или мотивом, недостаточно. Это требование здесь важно, потому что юридически релевантное использование процесса осуществлялось стороной, подавшей ходатайства и запросы, а не самой моделью. Таким образом, OpenAI может утверждать, что иск пытается превратить помощь в составлении документов в злоупотребление использованием судебного процесса, не указывая юридически релевантного субъекта на момент фактического применения судебного процесса.

4.7. Теория UPL поднимает реальный вопрос, но через неправильную доктринальную рамку

Теория нелицензированной юридической практики — самая серьёзная часть жалобы, но она также концептуально неправильно формулирована. Власти Иллинойса давно описывают юридическую практику в функциональных терминах. *People ex rel. Illinois State Bar Association v. Шафер* неоднократно цитируется за то, что юридическая практика включает консультации или услуги, требующие юридических знаний или навыков³⁶. Институциональные материалы Иллинойса также объясняют, что Правило 779 было реализовано как механизм общественной защиты от несанкционированных процедур.³⁷ Настоящий правовой вопрос

³⁵ *Podolsky против Alma Energy Corp.* // Federal Reporter, третья серия. 1998. Том 143. Стр. 364–372.

³⁶ *People ex rel. Illinois State Bar Association v. Schafer* // Illinois Reports. 1949. Том 404. стр. 45–54; North Eastern Reporter, вторая серия. Том 87. стр. 773–777.

³⁷ Правило Верховного суда Иллинойса 779. Несанкционированная практика судебных разбирательств [Электронный ресурс]

закljučается не в том, является ли чат-бот «лицензирован», а в том, перешёл ли оператор автоматизированной юридической помощи черту, традиционно предназначенную для лицензированных участников. OpenAI может утверждать, что исковое заявление ослабляет свою собственную сильную сторону, рассматривая чат-бота как нелицензированного специалиста, а не сосредотачиваясь на более узком регуляторном вопросе поведения оператора.

4.8. Иллинойс управляет UPL через институциональную архитектуру контроля

Эта точка зрения становится сильнее, если взглянуть на саму систему Иллинойса. Правило 779 прямо регулирует процедуры по несанкционированной практике, включая иски против нелицензированных лиц, организаций или ассоциаций. Суды Иллинойса описывают развитие в этой области как часть структуры общественного контроля, а не как обычный механизм возмещения частных убытков. Таким образом, OpenAI может утверждать, что исковое заявление обходит обычную институциональную архитектуру исполнения UPL и вместо этого пытается превратить сложный вопрос о границах регулирования в частный деликтный иск, построенный вокруг предполагаемых действий чат-бота. Это не обязательно исключает все теории, связанные с автоматизированной юридической помощью, но поддерживает позицию защиты, что истец выбрал неправильный доктринальный инструмент.

4.9. В юридической этике генеративный ИИ рассматривается как инструмент, а не как юрист

OpenAI также может опираться на более широкий принцип профессиональной ответственности. Формальное мнение АВА 512 рассматривает генеративный ИИ как инструмент, используемый юристами, и подчеркивает, что юрист остается ответственным за компетентность, конфиденциальность, коммуникацию, надзор и проверку результатов.³⁹ Это мнение не является обязательным с точки зрения деликтного права Иллинойса, но оно убедительно с точки зрения правовой характеристики: оно отражает формирующееся профессиональное мнение, что генеративный ИИ сам по себе не является юристом, а инструментом, использование которого остаётся возможным для человеческих акторов. Таким образом, OpenAI может утверждать, что исковое заявление основана на ошибке категории. Даже если система создаёт полезный или юридически связанный

³⁸ Последние события в несанкционированной практике правоохранительных органов // Суды Иллинойса. 2018 [Электронный ресурс]

³⁹ Американская ассоциация юристов. Постоянный комитет по этике и профессиональной ответственности. Официальное мнение 512: Инструменты генеративного искусственного интеллекта. 29 июля 2024 [Электронный ресурс]

текст, это не превращает её в адвоката, юридическую фирму или прямого носителя профессиональных обязательств.

4.10. Функциональная полезность не устанавливает агентность

Последняя защита исходит из той же логики. Истец может попытаться утверждать, что поскольку результаты модели были полезными, убедительными или процедурно компетентными, система должна рассматриваться как функционально эквивалентная юридическому субъекту. Но полезность — это не агентность, а компетентность — не юридическая личность. Даже если предположить, что модель создала связный и практически полезный материал, это покажет лишь, что современные языковые модели могут с большей эффективностью имитировать части юридического составления. Это не доказывает знание договора в деликтном смысле, намерение спровоцировать нарушение или прямое участие в злоупотреблении процессом. В лучшем случае это усиливает политический вопрос о будущем регулировании автоматизированных систем юридической помощи. Он не завершает представленные элементы деликтного вмешательства, злоупотребления процессуальными условиями или UPL, как изложены в данной жалобе.

4.11. Промежуточный вывод

В совокупности эти укрепления свидетельствуют о чётком боевом порядке. Пороговая атака носит юрисдикцию: истец мог указать Иллинойс как место, где ощущались предполагаемые последствия, но это не то же самое, что доказать, что сама OpenAI создала необходимые контакты в Иллинойсе для личной юрисдикции. Если дело переживёт этот первый удар, у OpenAI всё ещё есть существенные оправдания, основанные на отсутствии преднамеренного и необоснованного побуждения, разрыве причинно-следственной связи, вызванном независимым человеческим принятием решений, несоответствии между доктриной злоупотребления процессом и помощью в составлении, а также институциональным характером исполнения UPL в Иллинойсе.

Глава 5. За пределами несанкционированной юридической практики: ИИ и границы лицензированной профессиональной сферы

5.1. Более широкое значение искового заявления

Если читать узко, исковое заявление, по-видимому, касается только одной профессии — юриспруденции. Более конкретно, это, по-видимому, касается предполагаемой несанкционированной юридической практики через составление документов с помощью искусственного интеллекта, правовой анализ и поддержку в судебных разбирательствах. Но такое понимание слишком узкое. Более глубокое значение этого дела кроется в другом месте.

По сути, исковое заявление — это не просто оспаривание предполагаемого вмешательства ChatGPT в юридическую практику; это ранний вызов более широкому проникновению искусственного интеллекта в сферу профессий, которые исторически были закреплены за лицензируемыми и регулируемыми профессионалами.

Вот почему это дело имеет значение, выходящее за рамки непосредственного спора. Юридическая профессия — это просто первая видимая арена, в которой этот конфликт стал доктринально явным. Настоящий вопрос гораздо шире: могут ли и в какой степени системы ИИ войти в профессии, легитимность которых традиционно основывалась на лицензировании штатов, профессиональной квалификации, человеческой ответственности и общественном доверии. В этом смысле жалобу следует рассматривать не только как судебное разбирательство против OpenAI, но и как признак гораздо более широкой институциональной тревоги. Тревога не ограничивается только юристами. Оно распространяется, по оговорке, на любую профессию, в которой государство устанавливает барьеры для поступления, стандарты компетентности и механизмы дисциплины.

Значимость жалобы, следовательно, заключается не в силе её доктринального исполнения, а в том, что она называет — пусть и несовершенно — конфликт, который не останется ограниченным законом. Как только системы ИИ начнут выполнять задачи, внешне напоминающие профессиональное суждение, каждая лицензированная область в конечном итоге столкнётся с одним и тем же вопросом: что именно регулируется — компетентность, ответственность или институциональная легитимность?

5.2. От юридических услуг к общей проблеме вторжения в профессиональную сферу

Когда дело рассматривается в более широком контексте, его значимость становится более очевидной. Сегодня явной целью является юридическое написание. Завтра та же логика может быть применена к бухгалтерии, аудиту, финансовому консультированию, инженерному анализу, проверке соответствия, актуарной оценке или другим формам экспертного суждения, традиционно находящихся в лицензированных или строго регулируемых профессиональных сферах. Профессии могут различаться по методам, но у них общая институциональная структура: они представляют собой не просто рынки полезных услуг, а системы авторизованной экспертизы, подкреплённые публичным правом.

Решающий вопрос заключается не в том, может ли ИИ быть полезен внутри профессионального рабочего процесса. Решающий вопрос заключается в том, достаточно ли полезности самой по себе для допуска в регулируемую сферу. Профессия — это не просто набор задач; это юридически организованная структура квалификации, подотчётности и

санкций. Вот почему нельзя смешивать функциональную имитацию и институциональная допустимость.

Именно поэтому ИИ представляет столь серьёзную регуляторную проблему. Если машина может генерировать результаты, которые связны, убедительны и практически полезны в профессиональном контексте, это пока не отвечает на настоящий вопрос. Настоящий вопрос в том, достаточно ли одной полезности, чтобы оправдать вход в регулируемую сферу. Исторически ответ был — нет. Профессии не были организованы исключительно по эффективности или результативности. Они также организованы вокруг ответственности, отслеживаемости, квалификации, фидуциарных обязательств и возможности санкций. Системы ИИ нарушают эту структуру, потому что могут повторять часть функциональной работы, не вписываясь в институциональную структуру, которая делает профессиональную власть легитимной.

В этом смысле исковое заявление — несмотря на свои слабости — отражает нечто важное. Он выявляет структурное столкновение между двумя моделями компетентности. Одна из моделей — профессиональная и институциональная: человек имеет лицензию, контролируется, несёт ответственность и может быть удалён. Вторая — технологическая и функциональная: система производит результаты, которые могут показаться достаточно полезными, чтобы заменить часть профессионального труда. Закон пока не решил, насколько глубоко вторая модель может проникнуть в первую.

5.3. Основной вопрос: поступление, условия и ограничения

Центральный вопрос, таким образом, заключается не только в том, как должны регулироваться профессии в эпоху ИИ. Более фундаментальный вопрос — насколько далеко ИИ вообще будет допущен к профессиональной жизни, при каких условиях, под какими гарантиями и с какими ограничениями.

Этот вопрос должен быть сформулирован чётко. Будущая юридическая проблема не исчерпается вопросом о том, может ли ИИ помочь профессионалу. Она охватывает как минимум три более глубоких вопроса.

Во-первых, какая степень участия ИИ будет считаться допустимой? Существует существенное различие между ИИ как фоновым инструментом для повышения эффективности канцелярской деятельности и ИИ как системой, которая существенно формирует анализ, составление, диагностику, оценку, прогнозирование или поддержку принятия решений в регулируемой сфере.

Во-вторых, какие требования будут предъявлены к такому участию? К ним могут относиться обязанности по раскрытию информации, требования к надзору, аудитируемость, обязательства по верификации, ведение учета,

профессиональное одобрение или ограничения на автономное генерирование выходных данных в чувствительных условиях.

В-третьих, какие границы останутся недеlegeируемыми? Суды и законодательные органы могут в конечном итоге прийти к выводу, что определённые действия — именно потому, что они связаны с доверием, правами, безопасностью или фидуциарными обязательствами — должны оставаться под прямым контролем человека, даже если ИИ способен выполнять их компетентно на техническом уровне.

Эти вопросы остаются открытыми. Ни суды, ни законодательные органы пока не сформулировали устойчивую общую теорию. Вот почему эта исковое заявление важна, даже если она плохо обоснована. Это заставляет правовую систему столкнуться с вопросом, на который она не дала полного ответа: где именно заканчивается инструментальная помощь и начинается профессиональное вмешательство?

5.4. Правовой состав как первое поле боя

В рамках этого более широкого конфликта юридические формулировки становятся особенно важными. Черновики — это не случайная проблема. Это проблема фронта.

Это связано с тем, что составление занимает неоднозначную зону между простой информацией и реальным профессиональным обслуживанием. С одной стороны, чертёж может казаться просто механическим: его можно представить как помощь с языком, форматированием, синтезом или исследованием. С другой стороны, с другой стороны, составление вариантов может стать практическим воплощением юридического суждения. Исковое заявление, исковое заявление, аргумент или документ по стратегии судебного разбирательства — это не просто текст. Это операционная форма, через которую правовой анализ входит в судебный процесс.

Именно это делает вызов в жалобе по составлению с помощью искусственного интеллекта по-настоящему инновационным. Истец не просто утверждает, что система давала плохие советы или выдумала ложные авторитеты. Более серьёзное обвинение заключается в том, что система фактически участвовала в подготовке юридических материалов для конкретного спора. Этот шаг выводит дело за рамки привычного обсуждения «галлюцинаций» в более сложную тему: может ли сам проект, созданный ИИ, стать объектом регулирования.

Вот почему это дело важно для всей индустрии ИИ. Если суды начнут рассматривать составление с помощью ИИ в регулируемых профессиях как юридически чувствительную деятельность, последствия не остановятся только на юристах. Та же логика может распространяться на любую профессиональную сферу, в которой документы, отчёты, оценки,

рекомендации или результаты поддержки принятия решений являются частью регулируемой практики.

Система ИИ может воспроизводить часть функциональной работы профессии, не удовлетворяя институциональным условиям, делающим профессиональную власть легитимной.

5.5. Ответ на шумиху вокруг ИИ

В этом свете дело также служит ответом на современный ажиотаж, связанный с ИИ. Большая часть общественного нарратива вокруг генеративного ИИ строилась на обещании беспрепятственной замены: ИИ будет разрабатывать, анализировать, рекомендовать, оптимизировать и в конечном итоге заменять значительные части профессионального труда. Этот нарратив часто технологически амбициозен, но институционально поверхностен. Она предполагает, что поскольку система может имитировать выходы, она может естественным образом войти в область, из которой эти выходы поступают.

Исковое заявление оспаривает это предположение. Он делает это несовершенно, но важно. Это напоминает нам, что профессиональные сферы — это не просто наборы задач. Это институциональные порядки. Они существуют потому, что общество решило, что определённые виды работы требуют не только компетентности, но и аккредитованной компетентности; не только результат, но и ответственность; не только полезность, но и юридическая и этическая ответственность. Хайп вокруг ИИ часто игнорирует это различие. Исковое заявление, в лучшем виде, вновь заставляет это различие быть очевидным.

По этой причине более широкая ценность дела не просто состязательная. Это диагностический подход. Она показывает различие между технологическими возможностями и приемлемостью институтов. Система может становиться всё более эффективной в производстве профессиональных результатов, но правовая система всё равно может отказываться предоставлять ей полный доступ в профессиональную сферу, кроме как при строго контролируемых условиях.

5.6. Открытый конституционный и законодательный вопрос

Это приводит к более широкой юриспруденциальной проблеме. Кто будет устанавливать границы? Будут ли решающие ограничения определяться судами, законодательными органами, административными регуляторами, профессиональными органами или будущими законами об ИИ? В настоящее время ответ остаётся неясным.

Одна из возможностей — что суды будут постепенно брать на себя инициативу, по отдельности, определяя, когда помощь ИИ становится юридически значимой в конкретных регулируемых сферах. Другая —

законодательные органы будут вмешиваться более непосредственно и устанавливать законодательные рамки для участия ИИ в профессиональной практике. Третья возможность — смешанное управление: суды, лицензирующие органы и законодательные органы, каждый из которых определяет часть границы.

Но как бы ни была проведена граница, этот вопрос нельзя избежать. Вопрос уже не в том, затрагивает ли ИИ лицензированные профессии. И так уже происходит. Настоящий вопрос в том, позволит ли правовой порядок таким системам оставаться лишь инструментами под контролем человека или постепенно потерпит более глубокую интеграцию в профессиональное суждение. Это не просто технический вопрос. Это конституционный и цивилизационный вопрос, поскольку он касается распределения полномочий между человеческой ответственностью и машинной помощью ИИ в областях, центральных для прав, безопасности, доверия и институциональной легитимности.

5.7. Человеческая профессия и искусственный инструмент

На философском уровне спор выявляет более глубокое напряжение: различие между профессией как человеческим статусом и ИИ как инструментом. Профессия — это не просто набор задач. Это социальная роль, сочетающая знания, ответственность, долг и ответственность. Инструмент, напротив, может быть чрезвычайно полезен, не обладая этими качествами. Опасность в нынешнем дискурсе заключается в том, что функциональная имитация может быть принята за институциональную эквивалентность.

Это онтологическая ошибка, лежащая в основе многих пропаганд ИИ. Поскольку машина может имитировать часть работы, часто считается, что она перешла в статус работника. Но профессии определяются не только результатами. Они определяются юридической и моральной архитектурой, в рамках которой эти результаты производятся и защищаются. Исковое заявление наиболее сильна, когда она косвенно сопротивляется этому сокращению. Она наиболее слаба, когда пытается решить задачу путём антропоморфизации модели. Настоящая проблема не в том, что машина — юрист, бухгалтер или инженер. Настоящая проблема в том, что общество ещё не решило, насколько далеко инструмент может действовать внутри человеческой профессии, прежде чем сама профессия начнёт качественно меняться.

5.8. Промежуточное заключение

В этом смысле Nirron Life важно не столько как успешная теория UPL, сколько как ранний институциональный сигнал. Исковое заявление может провалиться доктринально, но при этом показать ту точку давления, в

которой генеративные системы начинают сталкиваться с профессиями, чья власть основана не только на результате, но и на лицензированном и подотчётном человеческом суждении.

По этой причине это дело не следует рассматривать как узкий спор только о несанкционированной юридической практике. Его точнее понимать как раннее юридическое выражение гораздо более широкого конфликта: борьбы за то, останется ли ИИ вспомогательным инструментом в лицензированных профессиях или ему будет разрешено проникать в профессиональную сферу глубже и под более слабыми человеческими ограничениями.

Исковое заявление не разрешает этот конфликт. Оно и не формулирует его безупречно. Но оно всё же выводит этот вопрос на первый план. И именно поэтому, несмотря на свою доктринальную хрупкость, она заслуживает серьёзного внимания. Это не просто судебный иск против OpenAI. Это вызов — всё ещё в зарождающейся форме — будущей границе между человеческой профессией и искусственной помощью.

Глава 6. Правило 12(b)(6): Почему исковое заявление может быть отклонено на стадии иска

6.1. Процессуальный момент принятия решения

Даже если признать, что исковое заявление вызывает серьёзные вопросы по нормативным и профессиональным вопросам, это не значит, что оно выдерживает федеральную проверку на стадии ходатайства об отклонении по ходатайству. Напротив, вероятной процессуальной точкой отсечения является правило 12(b)(6). На данном этапе суд не решает, являются ли основные политические вопросы тривиальными или важными. Оно задаёт более узкий вопрос: содержит ли заявление юридически правдоподобное требование о защите на основании фактов, которые действительно были представлены.

Это различие здесь решающее. Исковое заявление может поднять вопрос, достойный публичного обсуждения, но всё равно не будет рассмотрена как вопрос о ходатайстве. Это, по-видимому, является центральным риском в данном случае.

Правило 12(b)(6) здесь важно не только потому, что исковое заявление может быть слабым, но и потому, что заставляет иск выявлять стабильный правовой субъект. На этом этапе риторики о рисках ИИ недостаточно. Вопрос становится более узким и жёстким: кто, как утверждается, знал, намеревался, побудил или злоупотреблял процессом, и на каком конкретном фактическом основании?

6.2. Twombly и Iqbal: ярлыков недостаточно

Согласно делу Bell Atlantic Corp. против Twombly, исковое заявление должно содержать достаточно фактических данных, чтобы поднять право на защиту выше спекулятивного уровня; формульное перечисление элементов основания для иска недостаточно.⁴⁰ Дело Ashcroft против Iqbal ещё больше ужесточило это правило: юридические выводы не имеют права предполагать истинность, и только исковое заявление с правдоподобным требованием о предоставлении судебной защиты может пережить исковое заявление об отклонении дела.⁴¹

Применённая здесь, эта структура создаёт серьёзные трудности для истца. Большая часть кажущейся силы жалобы исходит из таких слов, как «сознательно», «намеренно», «намеренно», «неправомерно» и «побуждён». Но если эти термины не подкреплены конкретными фактическими утверждениями, специфичными для ответчика, они остаются скорее выводами, чем фактами. Правило 12(b)(6) разработано именно для выявления этой слабости.

Другими словами, возможность — это не правдоподобие. Исковое заявление может указывать на реальную проблему и всё равно провалиться, если вместо конкретных фактических утверждений ответчика используется антропоморфный вывод.

6.3. Исковое заявление может проявлять повествовательную силу, но не отвечать требованиям достаточности иска

Исковое заявление риторически энергично, но риторика не заменяет приведённый факт. Её центральный недостаток в том, что она часто переходит от драматического повествования к юридическому выводу, не излагая промежуточные звенья, требуемые доктриной.

Таким образом, даже если принять следующее:

- (1) ChatGPT генерирует текст;
- (2) пользователь полагался на этот текст; и
- (3) текст впоследствии использовался в судебных разбирательствах,

это всё равно не подразумевает, что OpenAI умышленно спровоцировал нарушение, злоупотребил процессом или перешёл грань в несанкционированную практику, подлежащую иску, в заявленной форме. Таким образом, исковое заявление может описывать тревожную

⁴⁰ Цитировано: Bell Atlantic Corp. против Twombly

⁴¹ Цитировано: Эшкрофт против Икбала

последовательность событий, не превращая эту последовательность в правдоподобно обоснованное основание для иска.⁴²

6.4. Деликтное вмешательство: возможно, отсутствует правдоподобие

Требование о деликтном вмешательстве особенно уязвимо по этому стандарту. Закон Иллинойса требует не только контракта и неблагоприятного исхода, но и осведомлённости о контракте, преднамеренном и необоснованном побуждении, нарушении, вызванном неправомерным поведением ответчика, и возмещении ущерба. Тем не менее, исковое заявление, как утверждается, в значительной степени опирается на наличие помощи ИИ и последующего поведения пользователей, а не на конкретные факты, показывающие, как сам OpenAI сформировал соответствующее намерение и вызвал нарушение в юридическом смысле.

Вот где Твомбли и Икбал имеют наибольшее значение. Если иск ссылается на побуждение в основном через убедительные формулировки, а не на конкретные обвинения в поведении ответчика, то теория может оставаться возможной в абстрактном виде, при этом не достигая порога правдоподобия.

6.5. Злоупотребление процессом: проблема субъектов остаётся нерешённой

Дело о злоупотреблении процессом сталкивается с аналогичными трудностями на стадии изложения требований. Доктрина требует неправильного использования юридической процедуры, а не просто помощи в подготовке текста, который позднее использует сторона. Однако исковое заявление, похоже, не решает с достаточной точностью проблему действующего субъекта, лежащую в основе дела: кто с юридической точки зрения фактически неправильно использовал процесс? Пользователь оформил документы. Процессуальные решения принимал пользователь. Пользователь использовал механизм суда.

Эта последовательность важна, потому что правило 12(b)(6) не позволяет суду преодолеть разрыв с помощью метафоры. Если юридически действующие действия остаются человеческими, иск должен с доктринальной точностью объяснить, почему эти действия приписываются ответчику, а не просто опосредуются инструментом.

Если исковое заявление опирается на существование ИИ-сгенерированного чертежа для устранения этого разрыва, оно рискует подменить юридическое значимое злоупотребление одной лишь близостью к

⁴² Федеральные правила гражданского судопроизводства. Правило 12. Защита и возражения: когда и как они были представлены; Исковое заявление о вынесении решения по ходатайствам; Консолидация предложений; Отказ от защиты; Предварительное слушание [Электронный ресурс].

нему. Согласно правилу 12(b)(6), такой пробел является фатальным, если иск не может убедительно связать поведение ответчика с конкретными элементами деликта.

6.6. UPL: серьёзная проблема, но, возможно, не тот кандидат

Теория несанкционированной практики — самая сильная концептуальная часть жалобы, но даже здесь проблема с иском заявлением остаётся. Исковое заявление поднимает реальный вопрос: не вошла ли компания, внедряющая автоматизированные системы юридического составления и юридической помощи, в профессионально регулируемую сферу. Но серьёзный вопрос — это не то же самое, что достаточно обоснованное основание для иска.

Настоящая проблема не в том, нужна ли машина лицензии на юриспруденцию. Настоящая проблема заключается в том, входит ли сервис, управляемый человеком, в регулируемую юридическую сферу через автоматизированный юридический выход, избегая институциональных обязательств, наложенных на лицензированных специалистов.

Текущая исковое заявление, по-видимому, рассматривает вопрос через нестабильную категорию — рассматривая сам чат-бот как нелицензированного специалиста — вместо того чтобы ясно объяснять, как оператор сервиса, управляемого человеком, перешёл признанную юридическую границу по законам Иллинойса. По этой причине исковое заявление может отражать обоснованную политическую проблему, но при этом не служить надлежащим процессуальным инструментом.

6.7. Вероятный судебные результаты и упущенные возможности

По этим причинам исковое заявление кажется уязвимой на этапе ходатайства об отклонении. Самые реалистичные судебные результаты не являются всеобъемлющим подтверждением нынешней теории, но либо:

- (1) отклонение без предрешиения по существу; или
- (2) отклонение некоторых пунктов с более узкой возможностью заявить требования заново.

Только в более серьёзной ситуации суд сначала бы отклонил дело с предвзятостью. Многое будет зависеть от того, считает ли судья дефекты жалобы исправляемыми более дисциплинированным изложением фактических обстоятельств, или как структурные дефекты, которые никакая поправка не сможет реально исправить.

В этом смысле исковое заявление может быть неудачной не потому, что основная проблема нереальна, а потому, что текущая исковая иск слишком нестабильна, чтобы нести вес поднятого вопроса. Процедурные и онтологические дефекты сходятся. Исковое заявление не просто

преувеличивает свою позицию; оно зависит от концептуальной нестабильности, чтобы выдержать доктринальный анализ.

Более последовательный правовой подход, таким образом, потребует иной аналитической структуры, чем та, что была использована в иске. С самого начала нужно было бы различать поведение пользователя, поведение оператора и результат модели, а не позволять намерению и ответственности дрейфовать между ними. Кроме того, она должна избегать рассматривать саму модель как носителя юридических предикатов и вместо этого с доктринальной точностью определить, что именно ответчик знала, проектировала, поощряла или не смогла предотвратить. В контексте UPL важный вопрос также заключается не в том, «практикует ли машина», а в том, действительно ли сервис, управляемый человеком, фактически входит в регулируемую профессиональную сферу через автоматизированный правовой вывод. Без этих различий исковое заявление остаётся не просто слабой, но и структурно непоследовательной.

6.8. Промежуточный вывод

Поэтому основной момент прост. Это исковое заявление может быть важным с юридической точки зрения и одновременно слабым в процессуальных аспектах. Его значение заключается в вопросе, который он задаёт. Его слабость заключается в том, как оно просит ответ.

Правило 12(b)(6) — это момент, когда это противоречие становится решающим. На этом этапе суд не задаёт вопрос, представляет ли ИИ вызов лицензированным профессиям. В суде задаётся вопрос, предъявлял ли истец правдоподобный иск против ответчика по фактически заявленным основаниям. В этом более узком и строгом расследовании исковое заявление кажется крайне уязвимым.

Глава 7. Заключение

Дело Nippon Life против OpenAI не стоит отвергать как просто любопытство и не стоит преувеличивать как доктринальный прорыв в его нынешнем виде. Его истинное значение заключается в том, что оно в концентрированной форме отражает одну из центральных напряжённостей эпохи ИИ: растущий конфликт между технологически эффективными системами и профессиями, исторически организованными вокруг лицензирования, подотчётности и человеческой ответственности. В этом смысле исковое заявление важно. Это выявляет реальную правовую и институциональную проблему. Это заставляет задуматься, могут ли системы ИИ входить в сферы, традиционно предназначенные для квалифицированных специалистов, и если да, то при каких условиях, в каких ограничениях и с какими формами надзора.

Иными словами, вопрос не в том, может ли ИИ имитировать фрагменты профессиональной работы. Вопрос в том, достаточно ли такое подражание, чтобы пересечь границу, исторически определяемую не только результатами, но и лицензированным суждением, отслеживаемой ответственностью и институциональной ответственностью.

В то же время исковое заявление структурно слабо. Его теория ответственности нестабильна; его обработка модели колеблется между инструментом и актёром; его претензии по деликту доктринально напряжены; и его юрисдикционная основа кажется особенно уязвимой. Действительно, самая слабая точка может возникнуть на самом пороге: исковое заявление может объяснить, почему Иллинойс является центральной фигурой в нарративе истца о вреде, но она не убедительно доказывает, почему Иллинойс может осуществлять судебные полномочия над OpenAI на основе приведенных фактов. Это может оказаться первой и самой сильной защитой.

Исковое заявление ослабляет себя именно там, где должно быть наиболее дисциплинированным: модель описывается как автоматизированная система, но при этом утверждает, будто эта система может нести ментальные предикаты деликта или статусные последствия профессионального субъекта.

Даже если суд выйдет за пределы юрисдикции, исковое заявление остаётся раскрытым по существу и на стадии иске. Причины иска, особенно деликтное вмешательство и злоупотребление процессом, слишком сильно опираются на антропоморфную риторику и слишком мало — на конкретные фактические обвинения, присущие ответчику. По этой причине наиболее вероятным судебным ответом является не одобрение искового заявления в его текущей форме, а прекращение с разрешением на внесение изменений, частичное отклонение или аналогичный сужающий процессуальный исход согласно Правилу 12(b)(6). Только в более жёсткой ситуации иск был бы полностью прекращён с предвзятостью в начале.

Однако процедурная слабость не стирает существенную важность. Это главный урок этого спора. Исковое заявление может быть неудачным как инструмент и всё равно быть успешным как сигнал. Это открывает более широкий конфликт, выходящий далеко за рамки только юридических услуг. Сегодня спор касается юридического составления и несанкционированной практики. Завтра похожие вопросы могут возникнуть в бухгалтерии, аудите, инженерии, медицине, комплаенсе, финансах и других регулируемых или лицензированных профессиях. Проблема больше не ограничивается тем, может ли ИИ помогать в человеческой работе. Более глубокий вопрос — будет ли ИИ допущен в профессиональную сферу и в какой степени.

Этот вопрос остаётся открытым. Суды могут начать проводить первые линии. Законодательные органы могут позже их формализовать. Профессиональные органы и регуляторы почти наверняка будут стремиться сохранить зоны, не подлежащие делегированию человеческой

ответственности. Но какой бы институциональный путь ни был выбран, один момент уже очевиден: правовой порядок в конечном итоге должен будет решать не только регулирование инструментов ИИ, но и как защищать, переосмысливать или частично трансформировать значение профессии в эпоху искусственной помощи.

По этой причине это дело заслуживает серьёзного внимания, несмотря на свои недостатки. Это не просто слабое исковое заявление против OpenAI. Это ранний правовой симптом гораздо более широкой цивилизационной дискуссии: где должна проходить граница между человеческой профессией и машинной функцией, между лицензированным суждением и автоматизированным составлением, между ответственностью, несущей человеком, и результатом, генерируемым инструментом.

В конечном итоге, самый важный вопрос, поднятый этим делом, — это не то, переживает ли одно исковое заявление в одном ходатайстве. Более глубокий вопрос — позволит ли общество профессионально значимым решениям и текстам создаваться, формировать или всё больше вытесняться системами, которые полезны, но не подотчётны; мощные, но не лицензированные, убедительные, но не ответственные. Это не просто процедурный вопрос. Это правовой, философский и, в итоге, политический вопрос о будущем месте человека в профессиональном порядке.

Если рассматривать его в более широком свете, исковое заявление уже чего-то достигло, даже если оно будет отклонено в суде. Оно вынудило юридически формулировать вопрос, который эпоха ИИ больше не может откладывать. В этом смысле данный случай подтверждает более широкий вывод: как бы ни был полезен результат LLM, инструментальная лингвистическая система не становится юридическим субъектом только потому, что имитирует внешнюю форму профессионального рассуждения.

Список источников/References

1. Electronic source:
https://www.pacermonitor.com/public/case/63415305/Nippon_Life_Insurance_Company_of_America_v_OpenAI_Foundation_et_al
2. Electronic source: OpenAI hit with lawsuit claiming ChatGPT acted as an unlicensed lawyer | Reuters <https://www.reuters.com/legal/legalindustry/openai-hit-with-lawsuit-claiming-chatgpt-acted-an-unlicensed-lawyer-2026-03-05>
3. Bell Atlantic Corp. v. Twombly // United States Reports. 2007. Vol. 550. P. 544–570.
4. Ashcroft v. Iqbal // United States Reports. 2009. Vol. 556. P. 662–699.
5. ISSN 3033-7674, Scientific Platform 21st Century Journal, No 6 (September 2025), pp. 3–34; No 7 (October 2025), pp. 4–36. Electronic resource: <https://www.episs.ru> (accessed 10.03.2026).
6. HPI Health Care Services, Inc. v. Mt. Vernon Hospital, Inc. // Illinois Reports. 1989. Vol. 131, 2d. P. 145–175; North Eastern Reporter, Second Series. Vol. 545. P. 672–687.
7. Podolsky v. Alma Energy Corp. // Federal Reporter, Third Series. 1998. Vol. 143. P. 364–372.

8. People ex rel. Illinois State Bar Ass'n v. Schafer // Illinois Reports. 1949. Vol. 404. P. 45–54; North Eastern Reporter, Second Series. Vol. 87. P. 773–777.
9. Illinois Supreme Court Rule 779. Unauthorized Practice of Law Proceedings // Illinois Supreme Court Rules. Amended Jan. 29, 2019, effective Mar. 1, 2019.
10. Attorney Registration and Disciplinary Commission of the Supreme Court of Illinois. Overview of ARDC [Electronic resource].
11. Recent Developments in Unauthorized Practice of Law Enforcement // Illinois Courts [Electronic resource]. 2018.
12. Walden v. Fiore // United States Reports. 2014. Vol. 571. P. 277–291.
13. Daimler AG v. Bauman // United States Reports. 2014. Vol. 571. P. 117–142.
14. Ford Motor Co. v. Montana Eighth Judicial District Court // United States Reports. 2021. Vol. 592. P. 351–371.
15. Illinois Compiled Statutes. 735 ILCS 5/2-209. Act submitting to jurisdiction – Process [Electronic resource].
16. HPI Health Care Services, Inc. v. Mt. Vernon Hospital, Inc. // Illinois Reports. 1989. Vol. 131, 2d. P. 145–175; North Eastern Reporter, Second Series. Vol. 545. P. 672–687.
17. Podolsky v. Alma Energy Corp. // Federal Reporter, Third Series. 1998. Vol. 143. P. 364–372.
18. People ex rel. Illinois State Bar Ass'n v. Schafer // Illinois Reports. 1949. Vol. 404. P. 45–54; North Eastern Reporter, Second Series. Vol. 87. P. 773–777.
19. Illinois Supreme Court Rule 779. Unauthorized Practice of Law Proceedings [Electronic resource].
20. Recent Developments in Unauthorized Practice of Law Enforcement // Illinois Courts. 2018. [Electronic resource].
21. American Bar Association. Standing Committee on Ethics and Professional Responsibility. Formal Opinion 512: Generative Artificial Intelligence Tools. July 29, 2024. [Electronic resource].
22. Federal Rules of Civil Procedure. Rule 12. Defenses and Objections: When and How Presented; Motion for Judgment on the Pleadings; Consolidating Motions; Waiving Defenses; Pretrial Hearing [Electronic resource].

УДК: 347.9 (73): 004.8

ПРАВИЛО 12(b)(6) КАК ПРОЦЕДУРНАЯ АРХИТЕКТУРА СУДЕБНЫХ СПОРОВ ОБ ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ В США

Кильдеев Адель Ханяфиевич

Ленинградский государственный университет имени А.А. Жданова (1990)

Кандидат юридических наук

ORCID: 0009-0001-2211-4944

Аннотация. В данной статье концептуализируется Правило 12(b)(6) Федеральных правил гражданского судопроизводства как центральный процессуальный механизм, структурирующий современные судебные процессы по искусственному интеллекту в Соединённых Штатах. Она утверждает, что ходатайство об отклонении иска больше не является лишь предварительным техническим фильтром, а является учредительным этапом, на котором технологический конфликт получает процессуально признанную форму в рамках федерального рассмотрения решений.

Опираясь на стандарт правдоподобности, разработанный в деле *Bell Atlantic Corp. v. Twombly* и *Ashcroft против Iqbal* и анализ недавних дел, связанных с ИИ, в Северном округе Калифорнии, включая иск *xAI* против *OpenAI* и *Carreyrou* против *Anthropic* и др., исследование показывает, что выживание иска на стадии подачи иска определяет доступ к раскрытию информации, распределение судебных рисков и стратегический баланс между сторонами.

В спорах, где релевантные доказательства структурно сосредоточены в руках ответчика, стадия иска становится решающим моментом, когда суды оценивают юридическую совместимость новых технологических практик с существующими доктринальными рамками. В статье делается вывод, что правило 12(b)(6) формирует процедурную архитектуру современных судебных разбирательств по ИИ и смещает стратегический центр таких споров на этап до подачи заявления.

Ключевые слова: Правило 12(b)(6); ходатайство об отклонении; федеральное гражданское производство; стандарт достаточности иска; правдоподобие; *Twombly*; *Iqbal*; судебные разбирательства по искусственному интеллекту; судебные разбирательства по коммерческой тайне; авторское право и искусственный интеллект; Северный округ Калифорнии; доступ к раскрытию доказательств; процедурная архитектура; юридическая достаточность претензии.

При подготовке статьи автор использовал генеративные системы ИИ, включая, но не ограничиваясь: ChatGPT (OpenAI), Gemini (Google), Grok (xAI). Все окончательные решения принимаются автором лично

RULE 12 (B) (6) AS THE PROCEDURAL ARCHITECTURE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE LITIGATION IN THE UNITED STATES

Kildeev Adel Khanyafievich

A.A. Zhdanov Leningrad State University (1990)

PhD in Law

ORCID: 0009-0001-2211-4944

Abstract: This article conceptualizes Rule 12(b)(6) of the Federal Rules of Civil Procedure as the central procedural mechanism structuring contemporary artificial intelligence litigation in the United States. It argues that the motion to dismiss no longer functions merely as a preliminary technical filter but as the constitutive stage at which a technological conflict acquires legal existence within federal adjudication.

Relying on the plausibility standard developed in *Bell Atlantic Corp. v. Twombly* and *Ashcroft v. Iqbal* and on the analysis of recent AI-related cases in the Northern District of California, including *xAI v. OpenAI* and *Carreyrou v. Anthropic et al.*, the study demonstrates that the survival of a claim at the pleading stage determines access to discovery, the distribution of litigation risk, and the strategic balance between the parties.

In disputes where relevant evidence is structurally concentrated in the hands of the defendant, the pleading stage becomes the decisive point at which courts evaluate the legal compatibility of new technological practices with existing doctrinal frameworks. The article concludes that Rule 12(b)(6) forms the procedural architecture of modern AI litigation and shifts the strategic center of such disputes to the pre-filing phase.

Keywords: Rule 12(b)(6); motion to dismiss; federal civil procedure; pleading standard; plausibility; *Twombly*; *Iqbal*; artificial intelligence litigation; trade secret litigation; copyright and AI; Northern District of California; discovery access; procedural architecture; legal sufficiency of the claim.

When preparing the article, the author used generative AI systems, including, but not limited to: ChatGPT (OpenAI), Gemini (Google), Grok (xAI). All final decisions are made personally by the author

Глава 1. Введение

1.1. Судебные иски по ИИ.

28 августа 2025 года стартапы Илона Маска X.AI и Corp. X.AI LLC. подали иск против бывшего инженера компании, доктора философии Сюэнь Ли, в Окружной суд США по Северному округу Калифорнии в Сан-Франциско (N.D. Cal., иск No 3:25-cv-07292)⁴³. Это судебное иск является одним из первых судебных прецедентов в области защиты прав интеллектуальной собственности на технологии искусственного интеллекта. Истцы подали апелляцию в федеральный суд с требованием запретить ответчику, гражданину КНР Сюэнь Ли, который также является постоянным жителем Канады и США, использовать и распространять информацию, которую истцы квалифицировали как коммерческую тайну и интеллектуальную собственность. 24 сентября 2025 года стартапы Илона Маска X.AI и Corp. X.AI LLC. подали второй иск против AI-компании Сэма Альтмана OPENAI в Федеральный окружной суд Северного округа Калифорнии в Сан-Франциско (N.D. Cal., иск No 3:25-cv-08133)⁴⁴. Истцы утверждают, что OpenAI «организовал систематическую кампанию по переману сотрудников xAI с доступом к исходному коду Grok, архитектуре дата-центров и исследовательским разработкам». Истцы утверждают, что OpenAI получила «недобросовестное конкурентное преимущество» за счёт использования незаконно извлечённых секретов. Истцов представляет та же юридическая фирма Winston & Strawn LLP, что и в деле X.AI против Ли.

Наконец, 22 декабря 2025 года лауреат Пулитцеровской премии американский журналист Джон Керрейру, автор книги «Плохая кровь» и ещё пять авторов (журналисты и писатели) подали жалобу в федеральный суд Северного округа Калифорнии против нескольких компаний, занимающихся ИИ: Anthropic, Google, OpenAI, Meta Platforms, xAI и Perplexity AI за нарушение авторских прав⁴⁵.

⁴³ Электронный ресурс: <https://www.cnn.com/2025/08/29/musks-xai-sues-engineer-for-allegedly-taking-secrets-to-openai.html?msockid=0d3922cf8c2b60871a0931388d0161d5>; <https://www.reuters.com/legal/litigation/musks-xai-sues-engineer-allegedly-taking-secrets-openai-2025-08-29/>; <https://www.bustoday.in/technology/news/story/elon-musks-xai-sues-former-engineer-over-leaking-grok-secrets-and-selling-to-openai-491919-2025-09-01>

⁴⁴ Доступно на: Reuters. «xAI Маска обвиняет конкурента OpenAI в краже коммерческих секретов.» 25 сентября 2025 года. <https://www.reuters.com/sustainability/boards-policy-regulation/musks-xai-accuses-rival-openai-stealing-trade-secrets-2025-09-25/>; Reuters. «xAI Маска выигрывает инженера по раннему блокированию заказов в обмене технологиями с OpenAI.» 3 сентября 2025 года. <https://www.reuters.com/legal/litigation/musks-xai-wins-early-order-blocking-engineer-sharing-tech-with-openai-2025-09-03/>; The Washington Post. «xAI Маска подаёт в суд на OpenAI за предполагаемую кражу коммерческой тайны.» 25 сентября 2025 года. <https://www.washingtonpost.com/technology/2025/09/25/musk-xai-openai-lawsuit-trade-secrets/>; Business Insider. «xAI Илона Маска обвиняет OpenAI в краже коммерческих секретов в новом судебном процессе.» 25 сентября 2025 года. <https://www.businessinsider.com/xai-accuses-openai-of-stealing-trade-secrets-in-new-lawsuit-2025-9>

⁴⁵ Электронный ресурс: <https://www.engadget.com/ai/new-york-times-reporter-files-lawsuit-against-ai-companies-161624268.html>

Истцы утверждают, что ответчики скачивали и использовали пиратские копии своих книг (с таких сайтов, как LibGen, Z-Library, OceanofPDF) для обучения моделей ИИ; делал незаконные копии произведений во время подготовки и обучения данных; создавал продукты с многомиллиардной коммерческой ценностью на этих произведениях без разрешения или вознаграждения авторам.

Все эти иски подробно изучались в моих предыдущих статьях⁴⁶. Все эти судебные процессы, связанные с искусственным интеллектом, обычно описываются с точки зрения материальных прав — коммерческих тайн, доступа к данным, авторского права, конкуренции и мобильности талантов. Однако решающим этапом, на котором эти споры приобретают юридическую реальность, является не судебный процесс и даже не раскрытие информации, а этап исполнения. В этой статье утверждается, что статья 12(b)(6) Федеральных правил гражданского судопроизводства эволюционировало в центральный процессуальный механизм, структурирующий современные судебные разбирательства, связанные с ИИ, в Соединённых Штатах. Определяя, какие претензии могут быть переведены в раскрытие информации, а какие отклоняются с самого начала, ходатайство об отклонении дела действует как архитектура судебного риска, переговорной силы и, в конечном итоге, существенных исходов.

1.2 Методология и цели исследований.

В статье исследуется процессуальная модель, в которой выживание иска на стадии его подачи означает превращение фактических утверждений в юридически действующий спор. Опираясь на стандарт правдоподобия, установленный в деле *Bell Atlantic Corp. v. Twombly* и *Ashcroft против Iqbal* и применяя его к недавним федеральным делам, связанным с ведущими компаниями искусственного интеллекта, исследование показывает, что правило 12(b)(6) больше не функционирует просто как инструмент для проверки. Он стал структурной точкой, в которой технологические конфликты переводятся на язык судебного решения. Цель данного исследования — определить роль Правила 12(b)(6) как процессуальной основы, формирующей структуру судебных разбирательств по ИИ, и показать, как решения на стадии исковых требований влияют на разработку доказательств, динамику урегулирования и корпоративную стратегию судебных разбирательств.

Новизна исследования заключается в том, что движение об отклонении рассматривается не как предварительная техническая фаза, а как фундаментальный уровень, на котором формируется материальная

⁴⁶ Кильдеев А.Х. X.AI LLC против Xuechen Li и иск Xuechen Li and X.AI Corp. – X.AI LLC против OpenAI, Inc., а также последствия для индустрии ИИ. Научная платформа «21 CENTURY» журнал, #5, август 2025, стр. 3-42, www.episs.ru; Кильдеев А.Х. X.AI Джон Каррейру против компаний ИИ: Anthropic, Google, OpenAI, xAI и другие: юридический анализ. Научная платформа «21 CENTURY» журнал, #9, декабрь 2025, стр. 44-62, www.episs.ru

траектория технологически сложных споров. Соответственно, ходатайство об отклонении дела следует рассматривать не как предварительный процессуальный фильтр, а как структурные моменты, на которых либо начинается, либо прекращается судебное разбирательство, связанное с ИИ.

Исследовательские цели статьи:

1. Переосмыслить Правило 12(b)(6);
2. Тестирование этой модели для исков с ИИ;
3. Показать его систематические последствия.

Эта статья заполняет пробел в процессуальной науке, демонстрируя, что правило 12(b)(6) функционирует не как инструмент отбора, а как конститутивная процессуальная архитектура судебных разбирательств с ИИ.

Глава 2. Правило 12(b)(6) в структуре федерального гражданского процесса

2.1. Обзор литературы

Трансформация доктрины заявление иска в федеральном гражданском процессе США породила обширный и часто поляризованный корпус научных исследований. Центральным отправным пунктом современных дебатов является сдвиг доктрины, вызванный иском *Bell Atlantic Corp. v. Twombly* и *Ashcroft* против *Iqbal*, который заменил традиционный стандарт «отсутствия набора фактов» требованием предоставить жалобу «правдоподобное» требование о защите. Это доктринальное развитие интерпретируется в процессуальной теории совершенно по-разному.

Первая линия исследований рассматривает современное ходатайство об отклонении дела прежде всего как механизм отбора, предназначенный для устранения юридически недостаточных требований на ранних этапах судебного разбирательства. С этой точки зрения стандарт правдоподобности понимается как инструмент судебной экономии и как ответ на структурную асимметрию, создаваемую раскрытием доказательств. Эпштейн прославился тем, что охарактеризовал ходатайство об отклонении иска после *Twombly* как функциональный эквивалент упрощённого решения на стадии рассмотрения иска, подчеркнув его роль в предотвращении стратегического использования судебных расходов как инструмента принуждения. С этой точки зрения доктринальная эволюция Правила 12(b)(6) объясняется необходимостью защитить ответчиков от бремени сложных и дорогостоящих

судебных разбирательств при отсутствии юридически достаточной теории ответственности⁴⁷.

Второе, нормативно противоположное направление исследований рассматривает усиление требований к содержанию заявления иска как ограничение доступа к правосудию. Спенсер, Миллер и другие учёные утверждают, что стандарт правдоподобности смещает баланс процессуальной силы в пользу институциональных ответчиков, требуя от истцов приводить факты, которые часто недоступны до раскрытия информации. В рамках этой концепции современная доктрина иска трактуется как структурный барьер, который непропорционально затрагивает истцов в делах, связанных с информационной асимметрией, включая антимонопольные споры, гражданские права и сложные коммерческие судебные разбирательства. Главная забота этой литературы — не внутренняя логика судебного разбирательства как правовой формы, а его системные последствия для доступа к судебному разбирательству⁴⁸.

Несмотря на доктринальные и нормативные различия, обе направления исследований имеют общую аналитическую предпосылку. Они рассматривают правило 12(b)(6) прежде всего как фильтрующий инструмент, который определяет, какие иски разрешены для рассмотрения, а какие отклоняются на пороге. Независимо от того, оценивается ли оно с точки зрения эффективности или с точки зрения доступа к правосудию, ходатайство об отклонении иска рассматривается как механизм управления искам, а не как конститутивный элемент судебного разбирательства.

Третье, менее развитое, но всё более значимое направление процессуальной теории сосредоточено на взаимосвязи между ходатайством и институциональными ограничениями судебной власти. В рамках этой точки зрения достаточность иска понимается как условие, при котором спор становится способным рассматриваться в нормативной рамках рассмотрения. Таким образом, стадия иска — это не просто техническая фаза процесса, а момент, когда правовая система определяет, будет ли она применять свои судебные полномочия в отношении предполагаемого конфликта. Этот подход смещает аналитический фокус с дихотомии эффективности и доступа на структурную функцию ведения иска при производстве юридически признанных споров.

Появление судебных разбирательств по искусственному интеллекту создаёт новый эмпирический контекст, в котором эти теоретические модели могут быть проверены и переосмыслены. Существующие юридические исследования споров, связанных с ИИ, в основном ориентированы на

⁴⁷ Эпштейн, Р. А. Белл, *Atlantic против Twombly: как ходатайства об отклонении становятся (замаскированными) упрощёнными решениями* // *Washington University Journal of Law and Policy*. 2007. Том 25. стр. 61–62. Электронный источник: <https://gretchen.law.nyu.edu/fac-articles/164/> (дата запроса: 26.02.2026).

⁴⁸ Спенсер А. Б. *Иск и доступ к гражданскому правосудию: ответ апологетам Twombly* // *UCLA Law Review*. 2013. Том 60. стр. 1710–1739. Электронный источник: репозиторий W&M Law: <https://scholarship.law.wm.edu/facpubs/1986/> (дата запроса: 26.02.2026).

материальное право. Он рассматривал вопросы авторского права, коммерческих тайн, доступа к данным, конкуренции и ответственности за алгоритмические результаты. Процедурные аспекты подобных споров получили значительно меньше внимания и обычно рассматривались как нейтральная основная структура, а не как независимый объект анализа.

В то же время структурные особенности судебных разбирательств по ИИ усиливают те самые условия, которые изначально мотивировали трансформацию доктрины исков. В спорах, связанных с проприетарными наборами данных, моделями машинного обучения и внутренней технологической инфраструктурой, доступ к соответствующим доказательствам почти полностью контролируется ответчиком. В таких условиях выживание иска на стадии иска становится решающим фактором, определяющим, получит ли истец процессуальные инструменты, необходимые для обоснования предполагаемого нарушения. Ходатайство об отклонении дела, таким образом, выполняет не только фильтрующую функцию, но и конститутивную: оно определяет, будет ли технологический конфликт преобразован в процесс доказательств или останется вне сферы судебного разбирательства.

Существующая процедурная литература ещё не концептуализировала эту структурную трансформацию. Доминирующие модели продолжают описывать Правило 12(b)(6) либо с точки зрения эффективности, либо с точки зрения доступа к правосудию, не рассматривая его роль как точки, в которой новые формы технологически опосредованных конфликтов приобретают юридическое существование. Аналогично, растущее количество юридических исследований, связанных с ИИ, сосредоточено на существенных доктринальных вопросах и не учитывает процедурную архитектуру, через которую такие споры формируются и рассматриваются.

В данной статье основана на институциональном и структурном подходе к иску и развивает его в контексте современных судебных разбирательств по искусственному интеллекту. Она утверждает, что правило 12(b)(6) следует понимать не просто как инструмент проверки, а как процессуальную архитектуру, определяющую доступ к раскрытию информации, распределяющую риски судебных разбирательств и формирующую материальную траекторию технологически сложных споров. Анализируя недавние федеральные дела в суде Северного округа Калифорнии, исследование показывает, что решающий момент в судебных разбирательствах по ИИ происходит на стадии иска, когда суды оценивают юридическую совместимость новых технологических практик с существующими доктринальными рамками.

В этом смысле статья заполняет пробел как в процессуальной, так и в технологически ориентированной юридической науке. Она предлагает модель, объясняющую ходатайство об отклонении дела как конституционный порог, при котором технологический конфликт становится юридически действующим спором, и показывает, как эта процессуальная

трансформация перестраивает стратегию судебного разбирательства, роль экспертизы до подачи заявления и распределение процессуальных полномочий между сторонами.

Правило 12(b)(6) занимает центральное место в архитектуре федерального гражданского процесса, поскольку определяет порог, на котором спор приобретает форму рассматриваемого спора. В рамках Федеральных правил гражданского процесса доступ к судебное установление фактов не является безусловным; она опосредовывается требованием заявителя изложить юридически достаточный иск о возмещении. Ходатайство об отклонении дела по причине отказа в заявлении иска выполняет учредительную процессуальную функцию: оно определяет, будет ли активирована судебная власть суда в отношении предполагаемого конфликта.

С классической точки зрения правило связано с ранним исключением претензий, которые не дают истцу права на защиту, даже если все фактические утверждения считаются истинными. В этом смысле она служит принципу судебной экономии, предотвращая превращение юридически неполноценных заявлений в ресурсоёмкие судебные разбирательства. Как давно подчеркивает процессуальная наука, достаточность иска служит точкой, в которой правовая система различает споры, требующие осуществления судебной власти, и те, которые остаются вне сферы рассмотрения.

В то же время правило 12(b)(6) выполняет защитную функцию. Федеральное гражданское разбирательство структурно характеризуется асимметрией, возникающей при раскрытии информации, которая накладывает значительные финансовые и организационные нагрузки на ответчика. Требование, чтобы истец с самого начала представил юридически понятную и фактически правдоподобную теорию защиты, защищает ответчиков от принудительных последствий судебных разбирательств в случаях, когда нет жизнеспособных юридических требований. В сложных и дорогостоящих спорах простое продолжение производства может изменить позиции сторон в переговорах независимо от их конечных достоинств. Таким образом, ходатайство об отклонении дела функционирует как механизм контроля стратегического использования судебных расходов.

Эта функция фильтрации неотделима от институциональных ограничений судебной власти. Федеральные суды не занимаются абстрактным установлением фактов; они рассматривают решения только в рамках юридически достаточного спора. Таким образом, этап исполнения знаменует переход от предпроцессуального конфликта — существующего как конкурирующие нарративы и фактические утверждения — к спору, который может рассматриваться в рамках нормативной структуры судебного решения. В этом смысле правило 12(b)(6) — это не просто технический инструмент, а доктрина контролируемого доступа к судебным решениям.

Трансформация доктрины заявления в решениях Bell Atlantic Corp. против Twombly и Ashcroft против Iqbal ещё больше укрепила эту структурную роль. Заменяв традиционную формулу «отсутствие множества фактов» на стандарт правдоподобности, Верховный суд переопределил условия, при которых иск может перейти к расследованию доказательств. Требование, чтобы изложенные факты допускали разумный вывод о виновности, внесло оценочный аспект в пороговую стадию, тем самым увеличив контроль ходатайства об отклонении⁴⁹. В результате достаточность жалобы стала решающим фактором при распределении процессуальных ресурсов и распределении судебных рисков.

В современных технологических спорах эта структурная функция становится особенно заметной. Если доступ к соответствующим доказательствам почти полностью контролируется ответчиком — как это часто бывает в судебных разбирательствах, связанных с системами искусственного интеллекта, проприетарными наборами данных и внутренними корпоративными процессами принятия решений, — выживание иска на стадии иска определяет, получит ли истец процессуальные инструменты, необходимые для обоснования предполагаемых нарушений. Ходатайство об отклонении дела, таким образом, определяет момент, когда технологический конфликт либо превращается в процесс доказательства, либо удаляется из правовой сферы.

Соответственно, правило 12(b)(6) следует понимать не только как механизм отклонения юридически недостаточных исков, но и как процессуальную структуру, через которую федеральные суды регулируют доступ к судебным разбирательствам, распределяют судебные расходы и формируют материальную траекторию сложных споров. Её значение в контексте судебных разбирательств по искусственному интеллекту заключается в том, что оно предшествует и определяет все последующие этапы производства. Решение на этом этапе определяет, войдёт ли спор в сферу раскрытия информации, экспертного экспертизы и судебного установления фактов, или же он прекратит существование по закону.

Однако это утверждение не стоит преувеличивать. Некоторые дела, связанные с ИИ, особенно в контексте авторского права, частично сохранились по Правилу 12(b)(6) и перешли к раскрытию информации или судебному разбирательству в упрощённом порядке. Но даже там стадия исследования обычно оставалась решающим местом доктринального сжатия: слабые теории отбрасываются, словарь ответственности сужается, а границы спора устанавливаются до того, как дело достигает фактического расширения. Правило 12(b)(6), таким образом, важно в судебных разбирательствах по ИИ не только потому, что оно отклоняет претензии, но и

⁴⁹ Миллер А. Р. От Конли до Твомбли и Икбала: Двойная игра с федеральными правилами гражданского судопроизводства // Duke Law Journal. 2010. Том 60, No 1. стр. 1–130. Электронный источник: репозиторий Duke Law): <https://scholarship.law.duke.edu/dlj/vol60/iss1/1/> (дата запроса: 26.02.2026).

потому, что формирует правовую форму, в которой допускается существование уцелевших исков.

Глава 3. Правило 12 (b) (6) в действии: решение судьи Риты Лин

Case 3:25-cv-08133-RFL Document 73 Filed 02/24/26 Page 1 of 15

Case 3:25-cv-08133-RFL Document 73 Filed 02/24/26 Page 15 of 15

UNITED STATES DISTRICT COURT
NORTHERN DISTRICT OF CALIFORNIA

X.AI CORP., et al.,
Plaintiffs,
v.
OPENAI, INC., et al.,
Defendants.

Case No. 25-cv-08133-RFL

**ORDER GRANTING MOTION TO
DISMISS WITH LEAVE TO AMEND**
Re: Dkt. No. 59

To advance past the initial stage of a lawsuit and unlock the doors of discovery, a plaintiff must allege facts that, if true, would indicate that the defendant has committed the wrongful act in question. The sole defendant in this lawsuit is OpenAI, whom xAI accuses of misappropriating its trade secrets. But xAI does not point to any misconduct by OpenAI. Instead, it points to eight former xAI employees who left for OpenAI at around the same time. According to xAI, two of these former employees stole its source code during their departure at a time when they were communicating with an OpenAI recruiter (though there is no allegation that the recruiter told them to do so). xAI also alleges that: two other former employees retained work chats on their devices after leaving xAI; another refused xAI's demands to provide various certifications about confidential information after his departure; the sixth unsuccessfully tried to access xAI information about hiring and datacenter optimization after he started working at OpenAI; and the last two simply left xAI for OpenAI. Notably absent are allegations about the conduct of OpenAI itself. xAI does not allege any facts indicating that OpenAI induced xAI's former employees to steal xAI's trade secrets or that these former xAI employees used any stolen trade secrets once employed by OpenAI. While xAI may state misappropriation claims against a couple of its former employees, it does not state a plausible misappropriation claim against OpenAI, which is the sole defendant in this case. Accordingly, and for the reasons set forth below, OpenAI's motion to dismiss is **GRANTED WITH LEAVE TO AMEND**.

FAC §§ 166-68.)

xAI's claims under both prongs are preempted by the California Uniform Trade Secrets Act (the "CUTSA"). The CUTSA "provides the exclusive civil remedy for conduct falling within its terms and supersedes other civil remedies based upon misappropriation of a trade secret." See *Mattson Tech., Inc. v. Applied Materials, Inc.*, No. 23-cv-06071-SVK, 2024 WL 3558849, at *6 (N.D. Cal. July 25, 2024) (citations and emphasis omitted). xAI's unlawful prong claim is necessarily based on misappropriation of a trade secret, as it derives from its DTSA claim. The unfair prong claim is also based on misappropriation of a trade secret, as xAI describes anticompetitive harm flowing from OpenAI's alleged misappropriation of xAI's trade secrets. xAI argues that the anticompetitive harm also derives from OpenAI's poaching of its employees. But its poaching allegations all focus on poaching in service of acquiring xAI's trade secrets, and it does not identify any other reason why the hiring of those employees resulted in anticompetitive harm. (See, e.g., FAC ¶ 44.) In fact, in detailing why OpenAI's conduct qualifies as unfair under the UCL in the FAC, xAI relies solely on misappropriation of xAI's confidential information as the source of the alleged anticompetitive harm. (See *id.* ¶¶ 166-68.)

IV. CONCLUSION

For the foregoing reasons, OpenAI's motion to dismiss is **GRANTED WITH LEAVE TO AMEND**. If xAI wishes to file an amended complaint correcting the deficiencies identified in this Order, it shall do so by **March 17, 2026**. The amended complaint may not add new claims or parties, or otherwise change the allegations except to correct the identified deficiencies, absent leave of the Court or stipulation by the parties pursuant to Federal Rule of Civil Procedure 15.

IT IS SO ORDERED.

Dated: February 24, 2026

RITA F. LIN
United States District Judge

1

15

Фото 1. Судебное постановление, вынесённое окружной судьёй Ритой Лин (первая и последняя страницы)

3.1. Постановление суда

Учитывая, что доступ к судебным материалам США через Интернет из России может быть ограничен из-за санкций со стороны правительства США и точности юридической формулировки для понимания причин, вот полный текст судебного решения окружного судьи США Риты Лин (иск No 25-cv-08133-RFL)⁵⁰ (перевод Microsoft):

«СЕВЕРНЫЙ ОКРУГ КАЛИФОРНИИ
X.AI CORP. и др.,
Иск No 25-cv-08133-RFL
Истцы,
v.
OPENAI, INC. и др.,

⁵⁰ Электронный ресурс (дата доступа 26.02.26):

https://storage.courtlistener.com/recap/gov.uscourts.cand.456862/gov.uscourts.cand.456862.73.0_4.pdf

ПОСТАНОВЛЕНИЕ О УДОВЛЕТВОРЕНИИ ХОДАТАЙСТВА ОБ ОТКЛОНЕНИИ С РАЗРЕШЕНИЕМ НА ИСПРАВЛЕНИЕ

Re: Dkt. No. 59

Ответчики.

Чтобы пройти начальную стадию иска и открыть двери для раскрытия информации, истец должен утверждать факты, которые, если верны, указывают на то, что ответчик совершил неправомерный поступок. Единственным ответчиком по этому иску является OpenAI, которого xAI обвиняет в злоупотреблении коммерческими тайнами. Но xAI не указывает на какие-либо нарушения со стороны OpenAI.

Вместо этого говорится о восьми бывших сотрудниках xAI, которые ушли в OpenAI примерно в то же время.

По данным xAI, двое из этих бывших сотрудников украли исходный код во время ухода, когда они общались с рекрутером OpenAI (хотя нет никаких обвинений, что рекрутер сказал им это сделать). xAI также утверждает, что: двое других бывших сотрудников сохранили рабочие чаты на своих устройствах после выхода из xAI; другой отказался выполнить требования xAI предоставить различные сертификаты о конфиденциальной информации после его ухода; шестой безуспешно пытался получить доступ к информации xAI о найме и оптимизации дата-центров после того, как он начал работать в OpenAI; а последние два просто оставили xAI в пользу OpenAI. Заметно отсутствуют обвинения относительно ведение самого OpenAI. xAI не утверждает никаких фактов, указывающих на то, что OpenAI вызвал xAI бывшие сотрудники, чтобы украсть коммерческие секреты xAI или использовать украденные коммерческие секреты, когда-то использовавшиеся в OpenAI. Хотя xAI может предъявлять иски о злоупотреблении нескольким своим бывшим сотрудникам, не приводится правдоподобный иск о неправомерном присвоении OpenAI, который является единственным ответчиком в этом деле. Соответственно, и по изложенным причинам ниже ходатайство OpenAI о прекращении дела УДОВЛЕТВОРЕНО С РАЗРЕШЕНИЕМ НА ИСПРАВЛЕНИЕ.

I. ОБВИНЕНИЯ ПО ПЕРВОЙ ИЗМЕНЁННОЙ ЖАЛОБЕ

По ходатайству об отклонении дела в соответствии с Федеральным правилом гражданского процесса 12(b)(6), обвинения иске считаются верными. См. иск Voquist против Courtney, 32 F.4th 764, 772 (9th Cir. 2022). xAI и OpenAI предлагают конкурирующие продукты генеративного ИИ. Летом 2025 года восемь xAI сотрудники ушли, чтобы искать возможности с OpenAI. В первой изменённой жалобе («FAC»), xAI утверждает следующее относительно их ухода. (См. Dkt. No 44.)

А. Сюэчэнь Ли

«Ли присоединился к xAI примерно 26 февраля 2024 года, и... входил в число первых двадцати инженеров компании" (Там же. ¶ 46.) Его контакт с OpenAI начался в июле 2025 года. (См. там же. ¶ 54.) На 13 июля он «провёл презентацию для интервью для OpenAI», в которой, основанная на информации и убеждениях, "содержала конфиденциальную информацию xAI." (См. там же. ¶ 55.) xAI не утверждает, что именно информацию, которую Ли раскрыл в презентации, или что OpenAI знал об этом неутончённой информации составляла конфиденциальную информацию или коммерческую тайну xAI. Десять дней после Ли презентация, «Консультант по исследовательским талантам OpenAI Тифа Чен отправила ему запрос на сообщение» Signal — «зашифрованное приложение для обмена сообщениями». (См. там же. ¶ 58.) На следующий день она прислала ему ссылку в «облачное хранилище». (См. там же.) xAI не

утверждает, почему Чэнь так поступил или задумался Назначение облачного хранилища. На следующий день, 25 июля, «Ли загрузил весь xAI исходного кода для личного облачного аккаунта», который он подключил к ChatGPT, OpenAI «продукт чат-бота на основе генеративного ИИ.» (См. там же. ¶¶ 29, 59 (выделение опущено), 83.) xAI не утверждает, что это то же облачное хранилище, которое Чен предоставил Ли. «Ли затем удалил свой браузер история и системные журналы . . .» (Там же. ¶ 59.) В тот же день Ли скачал исходный код xAI От облака до его персонального компьютера. (См. там же. ¶ 60.)

Эта загрузка произошла в то же время, когда Ли завершал свой переход в OpenAI и продолжал общение с Чен. 25 июля, примерно через четыре часа после Ли скачал исходный код xAI на свой персональный компьютер, Чен отправил ему сообщение через Signal

Чтение «NW!», которое, по утверждению xAI, означало «ни за что!» 1 (См. там же. ¶ 61; Дкт. No 64, стр. 7.) xAI — это

1 В FAS xAI утверждает, что Чэнь отправил Ли сообщение, «которое приравнивалось к 'не может быть!'» (См. FAS ¶

2 не объясняю, что побудило Чэня отправить Ли это сообщение. «Через две минуты... У Чена была виртуальная встреча с Ли.» (FAS ¶ 62.) Два дня спустя, 27 июля, «Ли снова скачал xAI Конфиденциальная информация на его личный ноутбук.» (См. там же. ¶ 63.) 28 июля OpenAI предложил ему работу стоимостью «несколько миллионов долларов», и к 1 августа он согласился. (См.там же. ¶¶ 64-65.)

В течение следующих нескольких недель, до начала работы в OpenAI, Ли получил доступ к его облачному аккаунту, скачал конфиденциальную информацию xAI, сменил облачный аккаунт пароль и получил доступ к своей папке мусора («где пользователь должен перейти для постоянного удаления файлов»).

(См. там же. ¶¶ 69-77.) В какой-то неопределённый момент он также получил слайд-дек «специально касающихся высокочувствительных и конфиденциальных методов обучения и настройки моделей ИИ xAI.» (См. там же. ¶ 56.)

xAI в итоге обнаружил, что Ли украл их конфиденциальную информацию, и впоследствии был получен временный запретительный приказ от этого суда, который запрещал Ли «какую-либо роль или ответственность в OpenAI . . . пока xAI не подтвердит, что все xAI конфиденциальная информация, находящаяся в распоряжении Ли, была удалена.» (См. там же. ¶¶ 79-80.) OpenAI тогда отозвал предложение Ли о работе. (См. там же. ¶ 80.)

В. Джимми Фрейтур

«Фрейтур присоединился к xAI примерно 22 апреля 2024 года[,] [и] . . . был вторым инженером, нанятым в лондонское подразделение xAI . . .» (Там же, ¶ 87.) Как и Ли, он был на связи с OpenAI «с начала июля» 2025 года. (См. там же. ¶ 93.) Он общался через сигнал с Ченем: «Тем самым рекрутер, который поддерживал регулярный контакт с Ли», примерно 17 июля посетил OpenAI примерно 24 июля, получил предложение о работе 29 июля и принял предложение к 30 июля. (См. там же. ¶¶ 94-61.) **В своём выступлении и на устных слушаниях она уточнила, что сообщение Чэня на самом деле гласило «nw!» OpenAI настаивает, что «nw» означает «не беспокойтесь». (См. Dkt. No. 66, стр. 10, п.3.) Делая выводы в пользу xAI, как того требовалось при ходатайстве об отклонении, этот приказ предполагает, что «nw» означал «ни в коем случае».**

В настоящем приказе все ссылки на номера страниц в документах по досье относятся к номерам страниц ECF. 31 июля, примерно через день после того, как

он принял предложение OpenAI, Fraiture скопировал исходный код xAI код и другие коммерческие секреты с его рабочего ноутбука на его «личное устройство». (См. там же. ¶ 98.)

Среди изъятых файлов была «видеозапись длительной внутренней встречи xAI 'All-Hands', в которой основатель xAI Илон Маск передал значительную конфиденциальную непубличную информацию связь с будущими планами и ближайшими целями xAI, дорожной картой продукта, коммерческим контрактом Условия, а также другую конфиденциальную и конфиденциальную информацию[,] . . . включать информацию, связанную с стратегические приоритеты xAI и конфиденциальные бизнес-практики.» (См. там же. ¶ 102.)

xAI в конечном итоге обнаружил хищение Fraiture их конфиденциальной информации, и «Команда внутренней угрозы» встретила с ним в конце августа. (См. там же. ¶ 103.) На той встрече Фрейтур сказал xAI, что никогда не переносил исходный код xAI на своё личное устройство, но «позже признал, что это утверждение неправдиво и что он действительно скопировал исходный код xAI в свой персональный компьютер», который он хранил там несколько недель, прежде чем, по его словам, удалил его.

(См. там же.) Он хранил исходный код на своём личном устройстве «как минимум до 28 августа». (См. там же. ¶ 98.) Его работа в OpenAI началась 2 сентября. (См. там же. ¶ 97.)

xAI не утверждает, что Fraiture использовала конфиденциальную информацию xAI, когда он начал работать в OpenAI. Точно так же, кроме самого факта, что Фрейтур была завербована Ченем, который также завербовал Ли, xAI не утверждает никаких фактов, указывающих на то, что OpenAI изначально поощрял Fraiture забрать конфиденциальную информацию xAI.

С. Неназванный финансовый руководитель

Неназванный финансовый руководитель, присоединившийся к xAI примерно в апреле 2025 года, ушёл на несколько месяцев позже он начал работать в OpenAI «в более низкой роли». (См. там же. ¶¶ 112, 115.) Его должность в OpenAI включал «работу над стратегией расходов на дата-центры». (См. там же. ¶ 115.) Эта работа пересекалась с конфиденциальной информацией, которую руководитель получил во время работы в xAI.

(См. там же. ¶ 113.) На самом деле, в какой-то момент руководитель высказывался: «Секретный соус xAI? The Команда дата-центров. Их скорость и точность поразили меня. Я бы НИКОГДА не хотел участвовать в соревнованиях против них.» (См. там же. ¶ 114.) Дважды после ухода руководителя из xAI компания связались с ним, чтобы обсудить «вопросы конфиденциальности», как это предусмотрено конфиденциальностью соглашение, которое он подписал, когда пришёл в компанию. (См. там же. ¶¶ 112, 118-19.) В обоих случаях в некоторых случаях он отказывался сотрудничать, говоря адвокату xAI и сотруднику отдела кадров: «Отс...и мой член»; и «Оставь меня в покое, чёрт возьми.» (См. там же. ¶¶ 118-19.)

D. Удай Руддарраджу, Хиу Фам и Итан Найт

Руддарраджу, Фам и Найт работали в xAI более года (не указано должности), «где они получили подробные знания о деятельности и технологиях xAI ,включая его конфиденциальную информацию и коммерческие тайны.» (См. там же. ¶ 123.) «Руддарраджу и Найт покинули xAI в июле 2025 года[,] Фам ушёл из xAI в августе 2025 года, и все [трое] начали работать в OpenAI к августу.» (Там же, ¶ 126.) «С момента их отъезда Найт и Фам признались, что хранят копии рабочих чатов и информации о xAI на своих личных устройствах», но они отказались сотрудничать с xAI в выявлении взятой информации или передаче их устройства.

(См. там же. ¶ 127.) Более того, оба «обменялись копиями своей информации о xAI»

Третья сторона. (См. там же. ¶ 128.) xAI не утверждает, почему Фам и Найт поделились её информацией с этой третьей стороной или они сделали это в связи с работой в OpenAI, или выгода от OpenAI. OpenAI утверждает, что эта третья сторона была поставщиком судебной экспертизы. (См. Dkt. No 59 на 8.) xAI не утверждает, кто был третьим лицом. Что касается Руддарраджу, в сентябре 2025 года он пытался получить доступ к внутреннему документу xAI, содержащему конфиденциальную информацию о «Оптимизация дата-центров», потенциальные сотрудники и компенсация для потенциальных сотрудников. (См. там же. ¶ 130.) xAI не утверждает, что Руддарраджу успешно получил доступ к документу, и подтвердил в своём в оппозиционном заключении, что она «успешно заблокировала попытку Руддарраджу» получить доступ к документу.

(См. Дкт. No 64, стр. 12.)

Е. Сриконт Потанис и Майк Далтон

Потанис и Далтон покинули xAI, чтобы работать в OpenAI примерно в то же время, что и друг друга бывшие сотрудники xAI, указанные в FAC. (См. там же. ¶ 121.) Их работа в xAI включала «xAI решения для дата-центров или разработка Grok 4», «разговорного генеративного ИИ» от xAI продукт, который конкурирует с ChatGPT от OpenAI. (См. там же. ¶¶ 33-34, 121.) xAI не утверждает что они забрали любую конфиденциальную информацию.

* * *

Полагая, что OpenAI «переманил» этих «восьми сотрудников xAI в рамках преднамеренной, незаконной и несправедливой схемой получения доступа к определённой конфиденциальной информации xAI», xAI начал это иск на основании того, что OpenAI незаконно присвоил коммерческие тайны xAI.

(См. там же. ¶ 132.)

II. ПРАВОВОЙ СТАНДАРТ

Жалоба «должна содержать... краткое и ясное изложение утверждения, показывающее, что Адвокат имеет право на освобождение.» См. Fed. R. Civ. стр. 8(a)(2). Невыполнение этого требования может приведёт к увольнению. См. там же. 12(b)(6). Чтобы выдержать оспаривание по правилу 12(b)(6), истец должен утверждать, что «достаточно фактов, чтобы предъявить правдоподобное требование о защите».См. Bell Atl. Corp. Против Twombly, 550 U.S. 544, 570 (2007). Претензия имеет лицевой правдоподобность, когда истец ссылается на фактическое содержание, позволяющее суду сделать разумный вывод о том, что ответчик несёт ответственность за обвинения в проступках. Стандарт правдоподобности не равен «вероятности» требования», но это требует большего, чем просто возможность ответчика действовал незаконно.

См. Ashcroft против Iqbal, 556 U.S. 662, 678 (2009) (ссылки опущены). "Определяя, является ли В жалобе говорится, что правдоподобное требование о защите будет... быть задачей, специфичной для контекста, требующей пересматривая суд, опираясь на свой судебный опыт и здравый смысл.» Voquist, 32 F.4th at 773 (ссылка опущена).

При рассмотрении ходатайства об отклонении дела суд может рассматривать только «жалобу, материалы включено в жалобу по ссылке, и вопросы [подлежат] судебному уведомлению. См. UFCW

Loc. 1500 Pension Fund против Mayer, 895 F.3d 695, 698 (9th Cir. 2018) (ссылка опущена). «Все Утверждения о существенных фактах принимаются как истинные и толкуются в наиболее благоприятном свете неподвижной группы» McShannock против JP Morgan Chase Bank NA, 976 F.3d 881, 886-87 (9-й округ).

(2020) (ссылка опущена). Однако суд не обязан признавать как истинные «обвинения, которые являются лишь убедительные, необоснованные фактические выводы или необоснованные выводы.» См. *Khoja против Oregigen Therapeutics, Inc.*, 899 F.3d 988, 1008 (9-й округ 2018) (ссылка опущена).

III. ОБСУЖДЕНИЕ

xAI предъявляет иски в соответствии с федеральным законом о защите коммерческих тайн (так называемый «DTSA») и Закон Калифорнии о недобросовестной конкуренции («UCL»). Ни одно из этих утверждений не выдерживает проверки по правилам 12(b)(6).

A. The DTSA

"Для получения успеха по иску о злоупотреблении коммерческими тайнами по DTSA истец должен доказать: (1) что истец обладал коммерческой тайной, (2) что ответчик присвоил коммерческую тайну; и (3) что неправомерное присвоение привело или угрожало ущербу истца.» *InteliClear, LLC против ETC Glob. Holdings, Inc.*, 978 F.3d 653, 657-58 (9-й округ).

2020 (ссылка опущена). OpenAI утверждает, что xAI недостаточно обвиняет в злоупотреблении. «The [DTSA] предоставляет следующие три определения неправомерного присвоения: (1) приобретение Коммерческий секрет другого человека, который знает или имеет основания знать, что коммерческий секрет был приобретённый неправомерным способом; (2) раскрытие коммерческой тайны без согласия владельца;

и (3) использование коммерческой тайны без согласия владельца.» *Attia против Google LLC*, 983 F.3d 420, 424 (9th Cir. 2020) (цитаты и кавычки опущены). Суды считают оба варианта прямыми и косвенная ответственность при оценке претензий о злоупотреблении коммерческой тайной. См., например, *Cisco Sys., Inc. против Chung*, 462 F. Supp. 3d 1024, 1056 (N.D. Cal. 2020).

1. Прямая ответственность

"Суды различают прямые иски о присвоении коммерческих тайн и косвенную торговлю

Иски о секретном присвоении, в зависимости от того, утверждает ли истец, что ответчик получил коммерческие секреты непосредственно от истца или косвенно от кого-то, кроме истца.» *Navigation Holdings, LLC против Molavi*, 445 F. Supp. 3d 69, 78 (N.D. Cal. 2020)

(цитата и кавычки опущены).

а. Прямое присвоение

xAI не выдвигает никаких неопровержимых утверждений о том, что сама OpenAI приобрела, раскрыла, или использовал коммерческие секреты xAI. Вместо этого её обвинения в прямом присвоении, по-видимому, продолжают полностью основанный на теории, что OpenAI подтолкнул бывших сотрудников xAI к присвоению его торговли Секреты. Однако xAI не выдвигает неубедительных утверждений, позволяющих разумно сделать вывод о побуждении. Например, пока Ли и Фрайтуре переносили исходный код xAI на своих.

личных устройств, нет никаких признаков того, что OpenAI предупреждал или поощрял их к этому. См., например, *Arthur J. Gallagher & Co. против Тарантино*, 498 F. Supp. 3d 1155, 1173 (N.D. Cal. 2 ноября 2020 г.).

xAI возражает, что он допустимо призывает к «информации и убеждениям». (См., например, *FAС ¶¶ 84, 97, 116.*) Безусловно, правило 12(b)(6) «не препятствует истцу приводить факты, утверждающиеся на основе информации и убеждений, когда факты находятся в пределах особого распоряжения, и Контроль над обвиняемым или когда убеждение основано на фактической

информации, которая делает вывод о виновности правдоподобен .»См. *so Park v. Thompson*, 851 F.3d 910, 928 (9-й округ).

2017 (ссылки опущены). Тем не менее, убедительных обвинений остаются недостаточными. См., например, *Жнец против ACE Am. Ins. Co.*, No 23-15178, WL 810697 2024, at *1 (9-й округ, 27 февраля 2024); См. также

Cloudera, Inc. против Databricks, Inc., No 21-cv-01217-HSG, WL 3856697 2021, на *6 (N.D. Cal. 30 августа 2021 г.) («Хотя суды могут рассматривать, являются ли факты особыми в пределах владения и контроля ответчика, такая свобода не означает, что окончательные обвинения разрешены.» (цитата и кавычки опущены)).

xAI также утверждает, что при рассмотрении в целом их обвинения содержат иск по DTSA против OpenAI. Суд соглашается, что должен рассмотреть весь ход поведения, о котором утверждается оценить правдоподобность злоупотребления OpenAI. См., например, *Wisk Aero LLC против Archer Aviation Inc.*, No 21-cv-02450-WHO, WL 8820180 2021, на *16 (N.D. Cal. 24 августа 2021) (отвергая попытку «развеять обвинения», где «[весь] FAC . . . всё ещё достаточно, чтобы предъявить иск о неправомерном присвоении»). Но если взять всё вместе, то правду и со всем Обоснованные выводы в пользу xAI, обвинения xAI не содержат правдоподобных утверждений Основано на стимуле. Да, несколько сотрудников взяли его конфиденциальную информацию в районе в то же время и до ухода работать в OpenAI, и двое из этих сотрудников общались с тем же рекрутером OpenAI, использовавшим зашифрованное приложение для обмена сообщениями примерно в то время, когда их эвакуацию и исследование перехода на OpenAI. Но без большего, эти обвинения недостаточны для правдоподобного вывода о том, что OpenAI поощряла предполагаемые

Кража.

Случай, на которые опирается xAI, иллюстрируют то, чего отсутствует в FAC. В *Citcon USA, LLC против RiverPay Inc.*, No 18-cv-02585-NC, 2019 WL 917056 (N.D. Cal. 25 февраля 2019),

Обвиняемая компания якобы поощряла неправомерное присвоение, обещая статус соучредителя один из бывших сотрудников компании-истца, и якобы это обусловило статус соучредителя о том, что бывший сотрудник «сохраняет [POS-устройство] после ухода из компании-истца. См. Там же, стр. *4-5. Аналогично, в деле *Elko, Inc. против WTH Commercial Services, LLC*, No 22-cv-00015-MMD,

2023 WL 6141623 (D. Nev. 20 сентября 2023 года), ответчик-компания «заключила соглашение» с [бывшим сотрудником компании-истца] для кражи конфиденциальной информации» и использовал украденная конфиденциальная информация с целью «нацелиться[] на клиентскую базу [истца] компании, связавшись с и оказывая давление, чтобы они сменили поставщика.» См. там же, на *5. Подобных соглашений или Здесь приводятся побуждения. Соответственно, xAI недостаточно утверждает прямое присвоение со стороны OpenAI.

б. Косвенное присвоение

Косвенное присвоение коммерческой тайны требует, чтобы ответчик знал или имел на это основания знать: (1) «до использования или раскрытия того, что информация является коммерческой тайной и... что Раскрывающая сторона приобрела его ненадлежащим способом или нарушала обязанность конфиденциальность путем раскрытия»; или (2) что эта информация «является коммерческой тайной и что раскрытие было ошибкой.» См. *Navigation Holdings*, 445 F. Supp. 3d стр. 78-79 (ссылка опущена); см. также *Attia*, 983 F.3d стр. 424 (приобретение считается злоупотреблением присвоением, где Приобретающая сторона «знает или имеет основания знать, что коммерческая тайна была

приобретена ненадлежащим образом означает"). xAI приводит недостаточно обвинений в знаниях OpenAI.

Ли якобы раскрыл конфиденциальную информацию xAI в презентации для OpenAI, но xAI не утверждает фактов, позволяющих разумно предположить, что OpenAI знал эту информацию была коммерческой тайной, что Ли неправомерно получил эту информацию, или что Ли был неправомерен, или ошибочно раскрывая информацию. По той же причине связь между облаком Ли аккаунт (который содержал исходный код xAI) и ChatGPT, а также намёк на то, что Ли напрямую отправил исходный код xAI в OpenAI по ссылке, отправленной Ченем, этого недостаточно. Никто другой бывшие сотрудники, по слухам, делились с OpenAI или раскрывали любые коммерческие секреты xAI. Соответственно, xAI недостаточно утверждает о косвенном присвоении со стороны OpenAI.

2. Косвенная ответственность

xAI утверждает, что OpenAI несёт косвенную ответственность согласно теории *respondeat superior*. В целом, согласно доктрине *respondeat superior*, работодатель будет непосредственно ответственным... если действия сотрудника были совершены в рамках пути и сфера его работы. В рамках курса и сферы деятельности Трудоустройство означает: (1) поведение произошло существенно в течение времени, и ограничения по пространству, разрешённые занятостью; (2) сотрудник был мотивирован, при по крайней мере частично — с целью служения работодателю; и (3) акт был такого рода, что Сотрудник был нанят для выполнения работы.

См. *Oki Semiconductor Co. против Wells Fargo Bank, Nat'l Ass'n*, 298 F.3d 768, 775-76 (9th Cir. 2002) (ссылки и сноски опущены). Применяя доктрину к предполагаемому неправомерному присвоению Коммерческая тайна, предназначенная для выгоды будущего работодателя, суды также требуют обвинения в том, что «будущее работодатель впоследствии использовал коммерческие тайны, либо нарушитель использовал их после того, как он на самом деле устроился на работу.» См. *Alert Ent., Inc. против Rana*, No 22-cv-06646-JSC, 2023 WL 2541353, на счёте *3 (N.D. Cal. 16 марта 2023); аккорд *Flexport, Inc. против Freightmate AI, Inc.*, No 25-cv-02500-RFL, WL 2399666 2025, на *4 (N.D. Cal. 10 июля 2025 г.).

Если рассматривать под пристальным взглядом этих стандартов, обвинения xAI оказываются недостаточными:

2 Похоже, что Девятый апелляционный округ не рассматривал чётко вопрос, являются ли традиционные принципы опосредованных претензий применяются к требованиям по DTSA. Однако стороны не оспаривают этот ответ Superior применяется к искам xAI о присвоении против OpenAI. Когда сам федеральный «закон» молчит о косвенной ответственности», как и гражданские положения DTSA, суды «предполагают, что Конгресс намеревался включить обычные правила ответственности, связанные с деликтом.» См. иск Гомес против Компания *Campbell-Ewald Co.*, 768 F.3d 871, 877 (9-й округ, 2014) (цитата и кавычки опущены);

18 U.S.C. § 1831 и далее. Злоупотребление коммерческой тайной является деликтом (см. *Direct Techs., LLC против Elec.Arts, Inc.*, 836 F.3d 1059, 1070 (9th Cir. 2016)), и в соответствии с доктриной *respondeat superior*, работодатели могут нести косвенную ответственность за деликты своих сотрудников. См. «Повторение»(Третья) Агентства § 2.04 (A.L.I. 2006). Соответственно, обвиняемый может быть признан ответственным по опасной причине под *Respondeat Superior* за присвоение коммерческих тайн по DTSA.

•Ли никогда не работал в OpenAI, и xAI не утверждает, что OpenAI когда-либо использовал какую-либо торговлю секреты, переданные ему Ли.

• В конце концов Фрейтур действительно начал работать в OpenAI, но xAI не утверждает, что он когда-либо это делал. Он использовал любые коммерческие секреты на новой работе. Правда, он якобы проник в источник xAI код и внутреннюю видеозапись примерно за месяц до начала работы с OpenAI (предположительно в роли, похожей на его позицию в xAI). Но этого недостаточно чтобы разумно предположить, что Fraiture действительно использовал эти коммерческие тайны в OpenAI. Если считать иначе, это автоматически подвергает будущих работодателей возможной коммерческой тайне Ответственность за неправомерное присвоение каждый раз, когда они нанимали кого-то, кто без их ведома до или после ратификации, неправомерно извлекали конфиденциальную информацию их бывший работодатель на уходе, даже если нет никаких признаков того, что Информация была использована в последующей работе. Такой подход также был бы подрыв устоявшегося принципа, согласно которому «простое владение коммерческой тайной не является достаточно, чтобы" считаться злоупотреблением. См. иск Acculmage Diagnostics Corp. Против Terarecon, Inc., 260 F. Supp. 2d 941, 951 n.5 (N.D. Cal. 2003) (ссылка опущена); см. также Attia, 983 F.3d стр. 424 (определение злоупотребления по DTSA не включает больше владения).

• Как и Fraiture, безымянный финансовый руководитель владел только коммерческими секретами xAI дата-центры, и xAI не утверждает, что он использовал эту информацию после начала работы в OpenAI. Его враждебность, когда xAI связался с вопросом конфиденциальности, опасения также не подтверждают правдоподобное предположение об использовании. Враждебность к своему Бывшему работодателю во время ухода не указывает на использование коммерческих тайн в последующей работе. Также не учитывается отсутствие у руководителя опыта работы с дата-центрами на базе ИИ до его работы в xAI, без дополнительной информации, подтверждает правдоподобное предположение, что он использовал xAI коммерческие тайны на OpenAI. Например, xAI не утверждает, что после запуска Fraiture работая в OpenAI, OpenAI внедрил новый подход к дата-центрам, отражающий xAI или в противном случае переняли аспекты работы дата-центров xAI, которые OpenAI не мог бы иметь. Известно о отсутствии неправомерного присвоения.

• Руддарраджу безуспешно пытался получить доступ к информации xAI, находясь в OpenAI.

Поскольку он не смог получить доступ к информации, нет оснований предполагать, что он её использовал во время работы в OpenAI.

• Фам и Найт якобы присвоили конфиденциальную информацию, но в ФАС позволяет разумно предположить, что конфиденциальная информация включала торговлю секреты. Даже если якобы присвоенная конфиденциальная информация считалась торговлей секретами, единственное предполагаемое использование — это обмен информацией Фама и Найта с неопознанная третья сторона по неизвестным причинам, и ничто в ФАС не допускает разумного предположение, что они делятся информацией для «обслуживания» OpenAI или что это было «своего рода [акт] которых [их] наняли для исполнения.» Oki Semiconductor, стр. 298 F.3d стр. 776.

• xAI не выдвигает никаких обвинений против Потаниса или Далтона, кроме указания того, что они сделали xAI и тот факт, что они ушли в OpenAI примерно в то же время, что и другой бывший xAI сотрудников. Ничто из этих обвинений не даёт разумного вывода о неправомерном присвоении. xAI утверждает, что «скрытый характер злоупотребления коммерческой тайной» позволяет ему «полагаться на косвенных обвинений в присвоении [сотрудников OpenAI]», потому что «это было бы неразумно требовать от [xAI] точные способы, которыми [сотрудники OpenAI] возможно, использовал [xAI] коммерческие секреты» при

отсутствии раскрытия, «учитывая, что [OpenAI и его Сотрудники — единственные, кто обладает такой информацией.» (См. Dkt. No. 64, стр. 16 (ссылки 3 В деле Tri Tool, Inc. против Hales, No 22-cv-01515-DAD, 2023 WL 7130610 (E.D. Cal. 30 октября 2023 г.), В отличие от этого, хотя истец согласился, что «остаётся неизвестным», является ли информация Якобы украденные бывшими сотрудниками составляли коммерческую тайну, а обвинения подтверждали разумный вывод, что коммерческие тайны использовались бывшими сотрудниками после их прихода в компанию Ответчика. См. там же. при счёте *1-2, *6. Коммерческие тайны компании-истца Информация, которая позволяла «компании участвовать в конкурсных ставках с клиентами в своей сфере обслуживания» и так далее «проекты, находящиеся в процессе», которые представляли «жизнеспособные источники будущих доходов». См. там же. на *1. Один из сотрудников компании-истца якобы «саботировали как минимум одну работу, на которой он работал [] чтобы он мог вернуть себе ту же работу, работая в компании-ответчике, и после ухода из компании-истца, тот же сотрудник связался с одним из истцов Клиенты компании в попытке получить свой бизнес. См. там же. на *6. опущено); См. также там же. стр. 11, 14.) Безусловно, вывод о применении может основываться на косвенных обстоятельствах.

Доказательства. Но правило 12(b)(6) не устанавливает более низких стандартов в делах о коммерческой тайне, и xAI не предоставляет косвенных доказательств, необходимых для того, чтобы сделать правдоподобный вывод о том, что бывшие сотрудники использовали его коммерческие секреты в OpenAI.

Дела, на которые ссылается xAI, иллюстрируют то, что его обвинения неоправданы. В приложении Biological Laboratories, Inc. против Diomics Corporation, No 20-cv-02500-AJB, 2021 WL 4060531 (Южная Дакота, Калифорния, 7 сентября 2021 г.), ответчик-компания «не имела предыдущего опыта» в соответствующей сфере Industry до того, как она якобы получила присвоенные у компании истца коммерческие тайны, и выпустил конкурирующий продукт. См. там же. при счёте *4-5. В деле Autodesk, Inc. против ZWCAD Software Co., Ltd.,

No 14-cv-01409-EJD, 2015 WL 2265479 (N.D., Калифорния, 13 мая 2015 года), ответчик выпущено программное обеспечение, разделяющее «те же интерфейсы и команды, что и [компания истца] программное обеспечение и которое также работало идентично предыдущим версиям [компания истца] программное обеспечение в несомненных формах.» См. там же. на *1. В деле Yeiser Research & Development LLC против Teknor Apex Company, 281 F. Supp. 3d 1021 (S.D. Cal. 2017), ответчик-компания «не умею собирать компактный шланг и раньше не занимался компактными шлангами» получил конфиденциальную информацию по этому вопросу от компании-истца, «указал, что требует для коммерциализации» шланга, а затем выпустил шланг, который «включал[d] атрибуты [концепции компании истца.]» См. там же. в 10:48. В деле Cutera, Inc. против Lutronic Aesthetics, Inc., 444 F. Supp. 3d 1198 (E.D. Cal. 2020), доказательства показали, что ответчик-компания сотрудники «использовали метод продажи, который [истцовая компания] называла коммерческой тайной».

См. там же. стр. 1207-08. В деле 3D Systems, Inc. против Wynne, No 21-cv-01141-LAB, 2022 WL 21697345 (Южная Дакота, Калифорния, 9 марта 2022 г.), «патенты и одна заявка на патент» ответчика содержащие коммерческие тайны, которыми [бывшие сотрудники компании-истца] могли обладать только приобретены во время их работы в" компании истца.См. там же. на *4. А в Flexport Ответчик-компания «быстро[] запустила конкурирующий продукт с аналогичной функциональностью к якобы украдённому исходному коду.» См. 2025 WL 2399666, на *4. xAI не предлагает аналогичного обвинения, указывающие на использование неправомерно присвоенной информации.

xAI также утверждает, как обсуждалось выше, что правило 12(b)(6) требует оценки всех своих Обвинения в едином целом. Таким образом, вместо того чтобы ограничивать анализ ответственности по вопросам вторичной ответственности С точки зрения индивидуального рассмотрения сотрудников, анализ, по словам xAI, должен учитывать «гештальт» его обвинений. Однако, как и прежде, даже если взять их вместе, как истинную и со всеми разумные выводы, сделанные в пользу xAI, обвинения не подтверждают правдоподобный вывод о том, что бывшие сотрудники xAI использовали его коммерческие тайны в своей работе в OpenAI. The неназванные финансовые руководители Руддараджу, Фам и Найт не присвоили никакой торговли секреты, а Потанис и Далтон ничего не сделали, кроме как оставили xAI ради OpenAI. Остаются Ли и Fraiture. Хотя xAI обвиняет в значительных актах присвоения со стороны этих двоих, когда они покинули этого недостаточно, чтобы предположить, что кто-либо из них использовал неправомерно присвоенную информацию на OpenAI. Действительно, как уже отмечалось, Ли даже не работал в OpenAI.

B. The UCL

UCL «запрещает исквые действия или практики, которые являются 'незаконными', 'несправедливыми' или

«Мошенничество.» Каждое из этих трёх направлений представляет собой отдельную и независимую основание для иска.»

См. иск Martinez против Wells Fargo Home Mortg., Inc., 598 F.3d 549, 554 (9-й округ, 2010) (цитаты опущено). xAI предъявляет иски по незаконным и несправедливым направлениям. «[В]изменяя незаконную сторону, UCL заимствует нарушения других законов и рассматривает их как незаконные практики, которые являются несправедливыми

Закон о конкуренции делает самостоятельное искушение возможным.» Aryeñ против Canon Bus. Sols., Inc., 55 Cal. 4th 1185, 1196 (2013) (цитата и кавычки опущены). xAI основывает свой незаконный иск о предполагаемом нарушении DTSA со стороны OpenAI. Что касается несправедливости, то в контексте якобы несправедливой практики среди участников: «Слово "несправедливо" в [UCL] означает поведение, угрожающее зарождающееся нарушение антимонопольного законодательства или нарушает политику или дух одного из этих законов, потому что Её последствия сопоставимы с нарушением закона или иным образом значительно угрожает или вредит конкуренции.» См. Nationwide Biweekly Admin., Inc. против Superior Ct., 9 Cal. 5th 279, 302 (2020) (ссылка и акцент опущены). xAI основывает своё несправедливое утверждение на Предполагаемая попытка OpenAI «уничтожить легитимную конкуренцию в индустрии ИИ, нейтрализуя инновации xAI» и «заставляя [xAI] несправедливо конкурировать с собственными коммерческими тайнами». (См. FAC ¶¶ 166-68.)

Претензии xAI по обоим направлениям отменяются Калифорнийским единым коммерческим секретным Act («CUTSA»). CUTSA «предоставляет исключительное гражданское средство защиты в случае поведения, подпадающего в рамках его условий и имеет преимущество других гражданских средств правовой защиты, основанных на злоупотреблении торговлей секретами» См. Mattson Tech., Inc. против Applied Materials, Inc., No 23-cv-06071-SVK, WL 2024 3558849, стр. *6 (N.D. Cal. 25 июля 2024 года) (ссылки и акцент опущены). xAI незаконные претензии на основе неправомерного присвоения коммерческой тайны, поскольку они вытекают из её Заявление по DTSA. Иск о несправедливой части также основан на злоупотреблении коммерческой тайной, как и xAI описывает антиконкурентный ущерб, возникающий из-за предполагаемого присвоения OpenAI торговли xAI Секреты. xAI утверждает, что антиконкурентный вред также связан с переманиванием OpenAI своих сотрудников. Но все обвинения в браконьерстве сосредоточены на браконьерстве в целях

приобретения торговли xAI Секреты, и не указывается ни одной другой причины, по которой найм этих сотрудников привело к Анतिकонкурентный вред. (См., например, FAS ¶ 44.) На самом деле, подробно объясняя причины поведения OpenAI считается несправедливым по UCL в FAS, xAI опирается исключительно на злоупотребление xAI конфиденциальной информацией как источником предполагаемого антиконкурентного вреда. (См. там же. ¶¶ 166-68.)

IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По вышеуказанным причинам ходатайство OpenAI о прекращении дела **УДОВЛЕТВОРЕНО С РАЗРЕШЕНИЕМ ВНЕСТИ ИСПРАВЛЕНИЯ**. Если xAI захочет подать исправленную жалобу, исправив выявленные недостатки в настоящем распоряжении он должен сделать это до 17 марта 2026 года. Исправленная жалоба может не добавлять новые претензии или стороны, или иным образом изменяют обвинения, кроме как для устранения выявленных недостатков, при отсутствии разрешения суда или соглашения сторон в соответствии с Федеральным правилом гражданского судопроизводства

ТАК И ПРИКАЗАНО.

Дата: 24 февраля 2026 года

РИТА Ф. ЛИН

Подпись окружного судьи США».

Воспроизведённое постановление должно рассматриваться не как источник фактической информации о споре, а как последовательное процессуальное толкование, в котором суд последовательно применяет методологическую основу Правила 12(b)(6). Её значение заключается в последовательности юридических операций, в ходе которых предполагаемый конфликт либо входит в сферу рассмотрения решений, либо исключается из него. Таким образом, рассуждение суда позволяет наблюдать учредительную функцию стадии иска в её практической форме.

3.2. Стандарт пересмотра в соответствии с Правилom 12(b)(6)

Постановление начинается с формулировки стандарта пересмотра, согласно которому суд обязан принять фактические утверждения в жалобе как истинные и сделать все разумные выводы в пользу стороны, не ходящей в ходатайство. Это утверждение определяет процессуальную позицию дела. На данном этапе судья не устанавливает фактическую истинность конкурирующих нарративов и не оценивает доказательственную ценность утверждений сторон. Вместо этого суд выполняет другую процедуру: он временно предполагает версию реальности истца с ограниченной целью — определить, способна ли эта версия функционировать в рамках правовой системы федерального судебного разбирательства.

Это методологическое приостановление поиска фактов не является техническим элементом процедурной формы. Он определяет границу между стадией иска и этапом доказательства в процессе. Спор не разрешается; она

проверяется на способность существовать в законе.

3.3. Процессуальное разделение фактического определения от иска

Ключевым элементом постановления является отказ суда разрешать фактические разногласия между сторонами. Спор относительно значения сообщения, на которое ссылался истец, иллюстрирует этот подход. Вместо того чтобы определять, какое толкование соответствует реальному ходу событий, суд явно принимает ту версию, которая выгодна истцу для целей ходатайства.

Эта операция демонстрирует структурную логику Правила 12(b)(6). Ходатайство об отклонении дела не является механизмом установления произошедшего. Это механизм для определения, если предполагается, что предполагаемые события произошли, они являются юридически достаточным требованием. Фактический спор намеренно перемещается на последующие этапы разбирательства. В этом смысле постановление отражает процессуальное решение о временном распределении судебных установлений фактов.

Для читателя, обученного в процессуальной традиции гражданского права, этот подход показывает принципиально иную связь между установлением фактов и доступом к судебным разбирательствам. Допустимость спора на этапе доказательств не зависит от предварительной проверки фактического повествования⁵¹.

3.4. Понятие правдоподобности в судебном рассуждении

Постановление дополнительно демонстрирует, как стандарт правдоподобия действует на практике. Суд не требует от истца предъявлять прямые доказательства предполагаемого поведения. Вместо этого она оценивает, позволяют ли фактические обвинения, взятые вместе и рассмотренные в их контекстуальных отношениях, разумно делать вывод об ответственности.

Таким образом, правдоподобность проявляется не как мера доказательной достаточности, а как критерий структурной когерентности. Иск должен содержать фактическую структуру, позволяющую суду признать юридическую форму иска. Достаточность ходатайства заключается в его способности создавать юридически понятный нарратив, а не в демонстрации фактической точности этого повествования.

Это понимание соответствует трансформации доктрины требований к содержанию искового заявления после *Twombly* и *Iqbal*. Жалоба становится процессуальным инструментом, через который истец получает доступ к механизмам раскрытия информации и судебного установления фактов.

⁵¹ McGinity против Procter & Gamble Co. 69 F.4th1093 (9-й суд 2023).

3.5. Структурные последствия отказа в ходатайстве об отклонении дела

Отказ в отклонении иска не разрешает спор по существу. Её процессуальное значение заключается в том, что конфликт переносится в доказательственную стадию федерального судебного разбирательства. С этого момента стороны получают доступ к открытым материалам, представлению документов, допросам и экспертным экспертам.

В сложных технологических спорах этот переход имеет самостоятельный материальный эффект. Доступ к соответствующей информации часто структурно контролируется ответчиком. Таким образом, существование иска на стадии иска определяет, сможет ли истец получить доказательства, необходимые для подтверждения предполагаемых нарушений. Таким образом, постановление изменяет распределение процессуальных полномочий между сторонами и превращает судебное разбирательство в реальный источник юридических и экономических рисков.

Ходатайство об отклонении дела здесь появляется как момент, когда суд решает, останется ли конфликт внешним обвинением или станет внутренним элементом судебного процесса.

3.6. Учредительный эффект приказа

Процедурная логика порядка подтверждает теоретическую модель, разработанную в предыдущем разделе. Правило 12(b)(6) служит порогом, при котором технологический и корпоративный конфликт приобретает юридическое существование. До этого решения спор представлял собой лишь набор фактических утверждений. После отказа в ходатайстве об отклонении дела это превращается в спор, который будет рассматриваться через институциональные механизмы судебного разбирательства.

Значимость постановления, таким образом, заключается не в определении ответственности, а в процессуальном акте, который позволяет спору войти в сферу судебного установления фактов. В этом смысле стадия иска выполняет учредительную функцию: она определяет, будет ли суд осуществлять свои судебные полномочия в отношении предполагаемого конфликта.

Решение по делу xAI против Таким образом, OpenAI предоставляет наглядную эмпирическую демонстрацию процедурной архитектуры современных судебных разбирательств по искусственному интеллекту. Это показывает, что решающий момент в таких спорах наступает до представления доказательств и до оценки их существ. Исход ходатайства об отклонении решения определяет, будет ли конфликт существовать в законе и будут ли институциональные ресурсы судебной системы мобилизованы для его решения.

Глава 4. Процессуальная необходимость правила 12(b)(6) в деле Каррейру против Anthropic и др.

Применимость Правила 12(b)(6) в деле Каррейру против Anthropic и др. — это не просто результат ожидаемой защитной стратегии. Это вытекает из внутренней правовой структуры иски и структурной трансформации судебных разбирательств по авторскому праву в контексте дел об искусственном интеллекте в Северном округе Калифорнии. В данном споре ходатайство об отклонении дела не является предварительным техническим фильтром, а является процессуальным механизмом, с помощью которого суд должен определить, совместима ли теория, выдвинутая истцом, с существующей системой авторского права.

В классических процессах по авторскому праву этап иска редко имел диспозитивный вес. Вопросы существенного сходства, вреда для рынка, доступа и намерения рассматривались как факто-интенсивные и поэтому были отложены на рассмотрение судебного разбирательства или судебного разбирательства. Данный случай относится к другой категории. Её центральная идея — не конкретный акт распространения, не воспроизведение в традиционном коммерческом смысле или обращение существенно похожего выразительного продукта. Вместо этого утверждение строится вокруг утверждения, что включение защищённых авторским правом произведений в процесс обучения крупных языковых моделей само по себе является судебным нарушением Закона об авторском праве. Вопрос о том, можно ли такое поведение юридически охарактеризовать как нарушение, не является фактическим вопросом. Это вопрос юридической квалификации. Когда достаточность иска зависит от правовой природы поведения, описанного в жалобе, правило 12(b)(6) становится не только уместным, но и неизбежным.

Эта процессуальная позиция подкрепляется структурой дела с множеством обвиняемых. Жалоба направлена на несколько технологически и корпоративно различных организаций, каждая из которых управляет разными моделями, инфраструктурами и конвейерами данных. Федеральные стандарты ведения исковых исков, особенно разработанные в Девятом округе, не допускают заявления об ответственности в коллективной форме без фактического содержания, специфичного для ответчика. Требование, чтобы иск содержал «краткое и ясное заявление», показывающее право на защиту, неизбежно подразумевает существование индивидуальной причинной цепи, связывающей каждого ответчика с завершённым актом нарушения. Если иск заменяет такие индивидуальные обвинения обобщённым описанием отраслевых практик, недостаток очевиден на первый взгляд жалобы. Таким образом, это юридическая недостаточность, а не фактический пробел, и решается на стадии иска.

Та же логика применима и к модели ущерба. Иск о возмещении убытков предполагает, что юридически завершённый акт нарушения в отношении каждой работы и каждого ответчика. Если поведение, описанное в жалобе, с юридической точки зрения не является таким действием, теория ущерба рушится независимо от каких-либо доказательств. Открытие не может превратить юридически недостаточную теорию в жизнеспособную. По этой причине жизнеспособность запрошенного средства защиты неотделима от анализа Правила 12(b)(6).

Доктрина добросовестного использования дополнительно иллюстрирует, почему иск структурно ориентировано на разрешение на стадии иска. Хотя добросовестное использование формально является позитивной защитой, суды Девятого округа неоднократно постановляли, что оно может быть рассмотрено по ходатайству об отклонении дела, если соответствующее использование определено в самой жалобе. В настоящем деле истец характеризует оспариваемое поведение как использование защищённых авторским правом произведений с целью обучения моделей машинного обучения. Юридический характер такого использования, включая степень его трансформации и связь с защищённым рынком работ, можно оценить без необходимости фактического раскрытия. Вопрос перед судом заключается не в том, что поступили ответчики в неизвестном фактическом смысле, а в том, является ли описанное истцом поведение, принятое за истинное, нарушением прав. Это парадигматическая функция Правила 12(b)(6).

Не менее значимо отсутствие какого-либо порога вопроса, который требовал бы разработки доказательств до оценки правовой достаточности иска. Это не тот случай, в котором суд обязан определять доступ к произведению, существование копирования в доказательственном смысле или степень сходства между двумя выразительными текстами. Иск предполагает копирование в технологическом смысле и просит суд рассматривать это предположение как юридически дезориентирующее. Таким образом, суд сталкивается с чисто нормативным вопросом: подпадает ли описанное поведение в сферу исключительных прав, предоставленных Законом об авторском праве? Такой вопрос решается по закону.

Процессуальная среда Северного округа Калифорнии служит дополнительной причиной, почему правило 12(b)(6) не только доступно, но и фактически обязательно. В недавних делах по искусственному интеллекту округ выработал последовательную логику управления делами, характеризующуюся ранним сужением юридически недооценённых теорий, строгим разделением технологической сложности и правовой достаточностью, а также скептицизмом по отношению к претензиям, основанным на спекулятивном или обобщённом вреде. В рамках этой системы перенос основного юридического вопроса на этап раскрытия информации изменит установленный процессуальный порядок и создаёт

именно тот вид асимметричного судебного бремени, который Правило 12(b)(6) призвано предотвратить.

На более глубоком доктринальном уровне движение об отвержении у Каррейру выполняет системную функцию. Это момент, когда суд должен решить, можно ли примирить попытку создать индивидуализированную ответственность за авторское право с высоким уровнем статутных убытков на основе практик обучения ИИ с существующей структурой авторского права. На этот вопрос нельзя ответить через накопление фактов. Это вопрос юридической совместимости. Если теория несовместима с законодательной системой, никакая фактическая запись не сможет её спасти. Если иск совместим, иск сохраняется и переходит к раскрытию в узкой и юридически определённой форме. В обоих случаях решающая аналитическая работа происходит на стадии подачи иска.

По этим причинам правило 12(b)(6) в данном случае не является просто процессуальной опцией. Это процедурное выражение самой сути спора. Иск основан на обобщённой теории ответственности, модели юридически условного возмещения убытков и описании оспариваемого поведения, что позволяет суду оценить его юридический характер без разработки доказательств. В таких условиях ходатайство об отклонении иска становится надлежащим и неизбежным механизмом, через который суд определяет, относится ли иск к сфере авторского права или за его пределами.

В этом смысле иск Каррейру против Anthropic и др. — это не просто иск, в котором будет подано ходатайство по Правилу 12(b)(6). Это иск, которое существует в доктринальных терминах для решения Правил 12(b)(6).

Глава 5. Nippon Life Insurance Company of America против OpenAI как краткая иллюстрация Правила 12(b)(6) в судебных разбирательствах по ИИ

Недавно поданный в Федеральный окружной суд США по Северному округу Иллинойса иск Nippon Life Insurance Company of America v. OpenAI Foundation, OpenAI Group PBC представляет собой наглядную иллюстрацию того, как Правило 12(b)(6) продолжает выполнять функцию раннего процессуального фильтра даже в новых спорах, связанных с искусственным интеллектом⁵². Истец заявляет требования о неправомерном вмешательстве в договор, злоупотреблении процессом и нелицензированной юридической практике, утверждая, что ChatGPT выступал в качестве «юридического помощника и советника» пользователя, помогал готовить процессуальные документы, направленные на возобновление ранее урегулированного спора, а затем содействовал подготовке дополнительных подач против истца. Кроме

⁵² Электронный источник: OpenAI подал иск, утверждая, что ChatGPT действовал как нелицензированный юрист | Reuters <https://www.reuters.com/legal/legalindustry/openai-hit-with-lawsuit-claiming-chatgpt-acted-an-unlicensed-lawyer-2026-03-05>

того, иск содержит требования о взыскании убытков и о широком судебном запрете.

На уровне публичной дискуссии это дело уже привлекло внимание, поскольку оно, по крайней мере частично, строится на тезисе о том, что результат, сгенерированный LLM, фактически выполнял функцию нелицензированной юридической помощи. Такая постановка вопроса риторически сильна. Она создаёт впечатление, будто сама машина перешла границу между технологическим содействием и регулируемой профессиональной юридической деятельностью. Однако с точки зрения федерального гражданского процесса подобная риторика — лишь отправная точка анализа. Прежде чем суд вообще дойдёт до более широкого нормативного вопроса о соотношении ИИ и юридических услуг, жалоба должна прежде всего удовлетворять пороговому требованию: содержать юридически правдоподобное требование о судебной защите.

По этой причине непосредственное значение *Nippon v. OpenAI* является скорее процессуальным, чем философским. Каковы бы ни были более широкие последствия этого иска для дискуссий об ИИ, юридической этике или профессиональном регулировании, первый вопрос для суда, вероятнее всего, будет заключаться в том, изложил ли истец юридически распознаваемое требование с достаточной фактической и правовой конкретизацией, чтобы пережить ходатайство об отклонении по Правилу 12(b)(6). В этом смысле дело следует понимать не как прорыв в вопросах субъектности ИИ или машинной агентности, а как живой тест достаточности искового заявления в технологически новом контексте.

Значение данного дела определяется не столько новизной фактической ситуации, сколько структурой самой жалобы. Истец пытается перевести подготовку процессуальных документов с использованием ИИ в традиционные конструкции исков по праву штата, однако этот ход требует нескольких аналитически сложных переходов: от информации, сообщённой пользователем, — к юридически вменяемому корпоративному знанию; от помощи в составлении текста — к намеренному побуждению к нарушению договора; от содействия в подготовке подач — к прямому злоупотреблению судебным процессом со стороны самого поставщика системы. Жалоба, например, прямо утверждает, что ChatGPT «был осведомлён» о мировом соглашении, сформировал аргументы, несовместимые с ним, и тем самым побудил к его нарушению; однако те же самые утверждения указывают и на то, что сам пользователь уже решил оспаривать соглашение и лишь искал помощь для реализации этого намерения. На стадии Правила 12(b)(6) это различие может оказаться решающим.

Та же трудность возникает и в частях жалобы, посвящённых злоупотреблению процессом и нелицензированной юридической практике. Судя по самой жалобе, фактические документы подавала истица, тогда как провайдер, по утверждению истца, лишь помогал с подготовкой процессуальных документов, юридическим анализом и исследованием. Тем

самым жалоба продвигает более широкую теорию, согласно которой инструментально опосредованная юридическая помощь может быть переквалифицирована в прямое противоправное поведение самого поставщика. Выдержит ли такая теория ходатайство об отклонении — неясно; однако уже сейчас дело наглядно показывает центральный процессуальный тезис: новизна AI-рамки не устраняет обычного бремени истца по изложению правдоподобных фактов о знании, намерении, причинной связи и противоправном поведении, вменяемом именно данному ответчику.

Более подробный анализ жалобы, её доктринальной конструкции и её значения для подготовки юридических документов с использованием LLM представлен в моей отдельной статье «*Nippon Life v. OpenAI: деликт, нелицензированная юридическая практика и первая частная атака на подготовку юридических документов с помощью LLM*» в этом выпуске.

Глава 6. Заключение

Судебное постановление, проанализированное в этой статье, следует рассматривать не просто как процессуальное решение по конкретному спору, а как последовательное и методологически полное иллюстрирование современного стандарта Правила 12(b)(6), сформированного иске *Bell Atlantic Corp. против Twombly* и *Ashcroft против Икбала*. В структурном плане решение представляет собой полностью сформулированную модель проверки правдоподобности, в которой суд последовательно различает фактические обвинения от юридических выводов, оценивает достаточность фактического содержания, исследует наличие правдоподобной причинной связи и проверяет юридическую жизнеспособность заявленных претензий.

Таким образом, суд осуществляет предварительный контроль над юридической устойчивостью иска и не допускает перехода фактически или доктринально недостаточных исков на стадию доказательств. Ходатайство об отклонении иска таким образом предстает не просто как техническая фаза производства, а как автономный этап юридической квалификации спора, на котором суд определяет, способна ли юридическая и фактическая конфигурация иска вызвать юридически признанный спор в смысле федерального гражданского процесса.

Для российской академической аудитории методологическая значимость этого заключается в том, что внутренняя логика такого решения не может быть понята через избирательные цитаты или доктринальные перефразы. Только анализ полного текста позволяет восстановить последовательность судебных рассуждений, которая составляет истинную суть процессуального права США в действии. Фрагментация мнения неизбежно разрушает эту логику и сводит решение к набору разрозненных утверждений. Систематическая работа с полноценными судебными решениями становится необходимым условием для значимых сравнительных

процессуальных исследований и развития адекватного понимания современных состязательных судебных процессов.

В то же время важность решения судьи Риты Лин выходит далеко за рамки процессуальной судьбы xAI против OpenAI. При правильном понимании решение служит структурной основой для оценки гражданских исков против компаний, занимающихся ИИ, на стадии рассмотрения иска, и, следовательно, имеет прямые последствия для всей развивающейся сферы судебных разбирательств, связанных с ИИ.

Во-первых, постановление уточняет уровень фактической точности, необходимый в спорах, связанных с технологиями. Утверждения, основанные на абстрактных описаниях систем ИИ, обобщённых обвинениях в нарушениях или спекулятивных теориях вреда, недостаточны. Требуется конкретный фактический нарратив, связывающий конкретный технологический акт или бездействие, юридически защищённый интерес и правдоподобный причинно-следственный механизм вреда. В этом отношении решение устанавливает чёткий порог для рассмотрения требований для будущих споров, связанных с обучающими данными, алгоритмическими результатами, поведением платформы, поведением рынка и продуктами и услугами с поддержкой ИИ.

Во-вторых, это решение демонстрирует, что сложность технологий ИИ не снижает стандарт ведения иска. Напротив, чем технологически продвинутое утверждение, тем больше необходима чётко структурированная фактическая основа. Непрозрачность алгоритмических систем не может заменить хорошо обоснованные факты и не может оправдать доступ к раскрытию информации при отсутствии юридически достаточной теории ответственности.

В-третьих, это решение имеет прямые последствия для архитектуры будущих жалоб на разработчиков ИИ. Успешные судебные процессы по ИИ должны строиться не на широких нарративах о технологических рисках, рыночной власти или социальном вреде, а на юридически признанных претензиях, подкреплённых технологическими фактическими утверждениями, сформулированными уже на стадии до раскрытия информации. Это смещает центр тяжести таких споров на стадию предварительной подачи и увеличивает роль предварительного технического и экономического анализа.

В-четвёртых, применяя традиционную концепцию Twombly/Iqbal к высокотехнологичному спору, суд подтверждает, что дела об ИИ не являются доктринально исключительными. Они регулируются той же процессуальной логикой, что и другие сложные федеральные судебные процессы. Это сохраняет непрерывность гражданского процесса и предотвращает появление технологически обусловленного эрозией стандартов иска.

Наконец, приказ выполняет функцию фильтрации для будущего ландшафта судебных разбирательств в области ИИ. Это сигнализирует, что

доступ к раскрытию информации в делах против компаний, занимающихся ИИ, не будет предоставлен для исследовательских или спекулятивных целей. Сама жалоба должна содержать юридически достаточную и фактически правдоподобную теорию ответственности. Это влияет на стратегию судебных разбирательств, роль экспертного участия до подачи заявления, экономическую структуру таких споров и выбор юридически жизнеспособных исков.

Таким образом, значимость анализируемого решения заключается не только в разрешении конкретного процессуального ходатайства, но и в демонстрации механизма, с помощью которого выбираются юридически обоснованные претензии и исключаются доктринально необоснованные претензии. В этом отношении постановление судьи Риты Лин следует рассматривать как одну из первых процессуальных вех эпохи судебных разбирательств по ИИ. Это показывает, что будущее гражданских исков против компаний, занимающихся ИИ, будет определяться не технологической новизной предмета, а способностью сторон превратить технологическую сложность в юридически последовательное и фактически обоснованное заявление.

В методологическом плане изучение полных первичных судебных трудов — это не вопрос цитирования, а предпосылка для формирования по-настоящему современной юридической науки, способной анализировать реальное функционирование судебного разбирательства в контексте быстро развивающихся технологических споров. В этом смысле процессуальная логика, продемонстрированная в анализируемом порядке, определяет не только исход одного дела, но и формирующуюся процедурную грамматику судебных разбирательств, связанных с ИИ.

Появление жалоб, таких как Nirron Life против OpenAI подтверждает более широкий аргумент данной статьи: даже самые новые теории ответственности, основанные на ИИ, всё равно должны проходить через обычную процедурную функцию контроля, предусмотренную Правилом 12(b)(6). Как бы ни была новаторская риторика, жалоба всё равно должна правдоподобно утверждать, что у ответчика есть знание, намерение, причинно-следственная связь и юридически признанные нарушения. В этом смысле правило 12(b)(6) остаётся не просто техническим инструментом, а первым конституционным барьером против чрезмерного доктринального толкования в судебных разбирательствах, связанных с ИИ.

Список источников/References

1. CNBC. Musk's xAI sues engineer for allegedly taking secrets to OpenAI. Electronic resource: <https://www.cnbc.com/2025/08/29/musks-xai-sues-engineer-for-allegedly-taking-secrets-to-openai.html> (accessed: 12.09.2025).
2. Reuters. Musk's xAI sues engineer for allegedly taking secrets to OpenAI (29.08.2025). Electronic resource: <https://www.reuters.com/legal/litigation/musks-xai-sues-engineer-allegedly-taking-secrets-openai-2025-08-29> (accessed: 12.09.2025).

3. Business Today. Elon Musk's xAI sues former engineer over leaking Grok secrets and selling to OpenAI (01.09.2025). Electronic resource: <https://www.businesstoday.in/technology/news/story/elon-musks-xai-sues-former-engineer-over-leaking-grok-secrets-and-selling-to-openai-491919-2025-09-01> (accessed 12.09.2025).
4. Complaint in X.AI v. Li. Electronic resource: <https://fingfx.thomsonreuters.com/gfx/legaldocs/gdvzbjjjzvw/XAI%20OPENAI%20TRADE%20SECRETS%20LAWSUIT%20complaint.pdf> (accessed 12.09.2025).
5. Temporary Restraining Order (TRO) in X.AI v. Li (N.D. Cal., 3:25-cv-07292, ECF No. 20). Electronic resource: <https://cases.justia.com/federal/district-courts/california/candce/3:2025cv07292/455409/20/0.pdf> (accessed: 12.09.2025).
6. Reuters. Musk's xAI wins early order blocking engineer from sharing tech with OpenAI (03.09.2025). Electronic resource: <https://www.reuters.com/legal/litigation/musks-xai-wins-early-order-blocking-engineer-sharing-tech-with-openai-2025-09-03> (accessed: 12.09.2025).
7. Kildeev A.Kh. X.AI LLC v. Xuechen Li lawsuit and Xuechen Li and X.AI Corp. – X.AI LLC v. OpenAI, Inc. and implications for the AI industry. Scientific Platform "21 CENTURY" journal, # 5, August 2025, www.episs.ru
8. Kildeev A.Kh. X.AI John Carreyrou v. AI companies Anthropic, Google, OpenAI, xAI & others: a Legal Analysis. Scientific Platform "21 CENTURY" journal, # 9, December 2025, www.episs.ru.
9. Epstein R. A. Bell Atlantic v. Twombly: How Motions to Dismiss Become (Disguised) Summary Judgments // Washington University Journal of Law & Policy. 2007. Vol. 25. P. 61–62. electronic source: <https://gretchen.law.nyu.edu/fac-articles/164/> (date of access: 26.02.2026).
10. Spencer A. B. Pleading and Access to Civil Justice: A Response to Twiqbal Apologists // UCLA Law Review. 2013. Vol. 60. P. 1710–1739. Electronic source: W&M Law repository: <https://scholarship.law.wm.edu/facpubs/1986/> (date of access: 26.02.2026).
11. Miller A. R. From Conley to Twombly to Iqbal: A Double Play on the Federal Rules of Civil Procedure // Duke Law Journal. 2010. Vol. 60, No. 1. P. 1–130. Electronic source: Duke Law repository): <https://scholarship.law.duke.edu/dlj/vol60/iss1/1/> (date of access: 26.02.2026).
12. Electronic resource: (access date: 26.02.26) https://storage.courtlistener.com/recap/gov.uscourts.cand.456862/gov.uscourts.cand.456862.73.0_4.pdf
13. Federal Rules of Civil Procedure.
14. Bell Atlantic Corp.v.Twombly 550 U.S. 544 (2007).
15. Ashcroft v. Iqbal 556 US.662 (2009).
16. McGinity v. Procter & Gamble Co. 69 F.4th1093 (9th Cir 2023).
17. Электронный источник: OpenAI подал иск, утверждая, что ChatGPT действовал как нелегализованный юрист | Reuters <https://www.reuters.com/legal/legalindustry/openai-hit-with-lawsuit-claiming-chatgpt-acted-an-unlicensed-lawyer-2026-03-05>

**Журнал
НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА «XXI ВЕК»**
THE JOURNAL
"SCIENTIFIC PLATFORM "XXI CENTURY"

№ 4 (13), апрель 2026 г.

16+

<http://episs.ru>

Периодическое научное издание (Санкт-Петербург, Россия)

ISSN 3033-7666 (печатная версия), ISSN 3033-7674 (электронная версия)

Свидетельство Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Эл № ФС77-87449

Журнал зарегистрирован и издается в России. Журнал публикует статьи со всех уголков
мира и по всем отраслям науки. Журнал издается на русском языке.

Статьи принимаются ежедневно.

Периодичность: по мере набора материала.

Все статьи рецензируются

Каждый автор получает бесплатный сертификат о публикации.

Бесплатный доступ к электронной версии журнала.

Отправляя статью в редакцию, автор подтверждает ее уникальность и несёт за неё
полную ответственность за возможные последствия нарушения авторских прав

Редакционная группа**Главный редактор**

Воронцов Владимир Валентинович

Ответственный секретарь

Холманских Мария Викторовна

Руководитель проекта

Иванов Максим Дмитриевич

Рецензенты

Димитриенко Андрей Игоревич,

к.м.н., Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени
академика И.П. Павлова

Пырх Андрей Иванович,

к.ю.н., Санкт-Петербургский государственный университет

Контакты 190031, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Казанская, д. 35, лит. А, кв. 15 +7 931 712-95-96 nxxivek@inbox.ru

© Учредитель: Общество с ограниченной ответственностью «Полис» (ОГРН 1097847170871)

190031, г. Санкт-Петербург, вн. тер. г. муниципальный округ Адмиралтейский, ул. Казанская, д. 35, лит. А, кв. 15

